

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

П Р И Л О Ж Е Н И Е

АВГУСТ
2021

№8/130

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

АБРАМ ИЗ РОДА ГАННИБАЛОВ

ЛЮБОВЬ РОССИЙСКАЯ И РАНА

«МИТРОПОЛИТ» ЮЗОВСКИЙ

КОРОЛЕВА

ИЗ РИЖСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ

Людмила Зыкина:
«В моей жизни все
было красиво»

ЖИЗНЬ ЕЁ ОКАЯННАЯ

ЧУЖАК

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ КУЛЬТУРЫ

По семейной легенде Ганнибалов-Пушкиных, искусно обработанной Александром Сергеевичем, Абрам (или Абрахам) Ганнибал прожил более девяноста лет. За столь долгую жизнь он дважды менял религию, трижды – имя, дважды – фамилию. Легко и быстро передвигался по всей Европе, но исключительно сухим путём, так как морские путешествия переносил плохо. Значительно медленнее он передвигался по России, но и расстояния несравнимы с европейскими. Много учился, читал и разговаривал на нескольких языках, знал математику и военно-инженерное дело. Носил неофициальное звание «наперсника» Петра Великого. Был приближён и ссылаем и снова обласкан и приближён. Казалось, при такой биографии фигура Ганнибала в истории России XVIII столетия должна быть выписана ярко и осязаемо, но это далеко не так. Происхождение, жизнь и даже смерть Абрама Ганнибала – сплошные исторические загадки.

Генерал И.И. Меллер-Закомельский. До недавнего времени считалось, что на портрете изображен Абрам Ганнибал

Абрам из рода Ганнибалов

ПРАДЕД ПУШКИНА, ПРОЖИВ БОЛЕЕ 90 ЛЕТ, ДВАЖДЫ МЕНЯЛ РЕЛИГИЮ, ТРИЖДЫ – ИМЯ, ДВАЖДЫ – ФАМИЛИЮ

■ Александр ЗИНУХОВ

Публикация 2001 года

Источники о происхождении Абрама Петровича носят преимущественно субъективный характер. Будучи уже стариком, он писал записки о своей жизни, которые могли бы стать и ценнейшим источником по истории, но записки не сохранились. Пушкин сообщает об этом: «При Петре III вышел он в отставку... писал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами».

Предполагается, что страх Ганнибала связан с возможными репрессиями со стороны светлейшего князя Меншикова опасавшегося влияния Ганнибала на Петра II. Ганнибал обучал будущего императора точным военно-инженерным наукам.

Однако записки Абрам Петрович писал не при Петре III, уйдя в отставку, а значительно раньше, когда с помощью Миниха был возвращен из Сибири и прятался, по версии А.С. Пушкина, в Ревельской деревне, а по мнению автора немецкой биографии Ганнибала – в Перновской крепости. И они вполне могли сгореть, и Ганнибал мог и должен был бояться их обнаружения, ибо они со временем могли уличить старого генерала в выдумках и натяжках, превратившихся в факты его биографии.

Что мог знать о своем происхождении пяти-шестилетний мальчик? Только то что его заставили заучить взрослые.

Таким взрослым мог быть только один человек, благодаря которому маленький Абрам оказался при дворе русского императора, – Савва Владиславич Рагузинский. Личность таинственная и необычайно интересная. Он удачливый купец, дипломат, полиглот, агент, работавший на правительства разных стран, в том числе и на русское. Легенду придумал он, идя от обратного, исходя из сути задания, которое получил. Суть задания сжато и кратко описана в книге «Путеводитель по Пушкину. СПб., 1997»: «Абрам (Пётр) Петрович до крещения Ибрагим (прадед Пушкина) родился в 1697–1698 гг. в северной Абиссинии, где отец его был владетельным князьком. Вследствие распоряжения Петра I достать ему нескольких мальчиков арапов он был привезен графом С.В. Рагузинским в Москву, доставлен к Петру и крещён именем Петра...»

Пётр не просил привозить ему негров. Речь шла о некрасивых, темнокожих, но склонных к наукам мальчиках, которые будут выполнять должность арапа при дворе царя.

Впервые Абрам Петрович заговорил о своем происхождении из Африки в начале 1742 года, когда написал прошение императрице Елизавете Петровне с просьбой предоставить ему грамоту на дворянство и герб. В обоснование просьбы он упоминает не только свои заслуги и чин – генерал-майор, но и приводит

краткую версию своего происхождения: «Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою два города; в 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву в дом блаженные и вечностойныя памяти Государя Императора Петра Великого и крещён в православную, греческого исповедания веру; а восприемником присутствовать изволил Его императорское Величество высочайшею персоною; и от того времени был при Его императорском Величестве неотлучно».

Абрам делает теоретическое обоснование для предоставления ему и детям его потомственного дворянства, так, как заведено было при Петре, когда составлялись родословные книги. Проверялись родословные чисто формально. Естественно, каждый старался сделать свой род как можно древнее и обязательно, чтоб начало роду давал какой-нибудь иностранец. Это была мода. А в XVIII веке данные родословных книг стали фактом.

Зачем Ганнибал упомянул, что город Лагон «имел под собою два города»? Честолюбивым человеком оказался Абрам Петрович. Претендовал он не только на

потомственное дворянство, но и на княжеский титул.

Надеждам не суждено было сбыться. Ганнибалу отказали. И отказ прозвучал на самом высшем уровне. Не помогли ни чины, ни награды. Арап не мог что-либо делать «волею своею». Елизавета это понимала. Арап – должность подневольного человека. Многие вельможи имели в своих домах арапов, но никто из них не претендовал на звание дворянина. Близость к царю и заграничное образование не давали прав на дворянство. Арап может быть как угодно близок своему хозяину, но остается слугой. Рассказы Абрама Петровича о его благородном африканском происхождении на веру не взяты. Цену им знали. Принято мудрое решение – отказа Ганнибалу не давать, но не давать и хода делу. Так оно оказалось в архиве. Так и жили Ганнибал и его дети не дворянами и не простолюдинами, не мещанами и не крепостными.

Только после смерти Ганнибала его дети получили грамоту о дворянстве. В 1804 году Псковское дворянское собрание «...постановило и внесло генерал-майора Петра и Иосифа Ганнибаловых в первую очередь дворянской родословной книги с выдачею грамоты». При этом замечено, что происхождение их «покрыто неизвестностью». Таким образом, в момент рождения А.С. Пушкина его мать Надежда Осиповна (Иосифовна) и вся Ганнибалова родня дворянами не были.

Незадолго до смерти Абрам Петрович продиктовал своему зятю Адаму Роткирху новый вариант автобиографии. Значительно усилены аргументы, связанные с проблемой происхождения. Уже в первых строчках говорится о конкретной стране, из которой родом Абрам Петрович. Отец его превращается из неопределенного африканского дворянина в могущественного князя. Сделана смелая попытка вывести происхождение русского Ганнибала от карфагенского полководца. Слово Адаму Роткирху: «Авраам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны. Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима».

Очень трудно отделить вымыслы Абрама Петровича от позднейших измышлений Роткирха. Но есть одно место в биографии, где рука Роткирха явно чувствуется. Он решил затронуть самый большой для Абрама Петровича вопрос о документальном обосновании его притязаний на княжеский титул. Для этого в текст биографии своего тестя он вводит новое действующее лицо: некоего сводного брата, правящего княжеством в Абиссинии, который попытался найти своего брата и выкупить из неволи. «В это время, – пишет Роткирх, – его правящий брат, я думаю, побужденный тогда ещё живой матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что этот сводный брат ещё находился в Константинополе в качестве заложника, захотел его выкупить через посредство других и выполнение этого поручил одному из своих младших братьев; последний отправился по следам увезенного нового Иосифа; (сперва он искал его в Стамбуле), а затем был в Петербурге (где рассчитывал его выкупить за большую сумму и захватить с собой). Однако было невозможно возвратиться язычеству и варварству столь многообещающего юношу, уже чувствующего себя убежденным христианином; привыкнув к европейскому образу жизни, он и сам не проявил желания вернуться, то этому домогающемуся брату было отказано в его просьбе, тогда, одарив

Родовой герб Ганнибалов

младшего брата ценным оружием и арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал он на родину, не добившись поставленной цели с большой скорбью с той и с другой стороны».

Фрагмент биографии изобилует неувязками. Как брат Абрама мог проследить его путь из Стамбула в Петербург? Допустим, в серале султана ему сказали, что мальчик был выкраден неизвестными. Где искать дальше? Исполнители наверняка не знали заказчиков. Между ними мог находиться целый ряд посредников. Допустим, что как-то брату Абрама удалось узнать, что пленник увезен в Петербург. Он приезжает в столицу России, идёт во дворец к царю и предлагает деньги за брата. Невероятно!

Эти небылицы писались только с одной целью. Необходимо доказать, что Абрам Петрович имел документы, дающие право на княжеский титул. Судя по тексту биографии, такая попытка была сделана самим Ганнибалом в то время, когда Рот-

легко можно было приобрести нужного ребёнка. Переводчик приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий 15 ноября 1704 года доносил управителю приказа графу Фёдору Алексеевичу Головину: «Милостивый государь мой боярин Фёдор Алексеевич. Перед отъездом своим из Царьграда июня 21 дня господин Савва Рагузинский писал ко мне, что он по приказу вельможности вашей промышляет с великим страхом и опасением жития своего от турков двух арапчиков, а третьего послу Петру Андреевичу, и тех арапчиков послал с человеком своим сухим путём через Мултанскую и Волоскую земли для спасения. И ныне, государь, ноября 13 день, тот человек Савин приехал с теми арапчиками к Москве в целости, и из тех трёх выбрал двух, который лучше и искуснее родных братьев, и отдал их в пречистом доме вашем пречистой госпоже матушке вашей и детям вашим благороднейшим, а третьего, который поплоче, оставил

вич, Москва, 1711». Трудно поверить, что в 14–15 лет Абрам Петрович имел свою библиотеку и прекрасно писал по-немецки. Вероятно, речь идёт о другом Абраме. Вполне возможно, о том, что упоминается в приходно-расходной книге царя: «1705 г. 18 февраля, Абраму арапу к делу мундир и в приклад дано 15 рублей 15 алтын». Слишком большая сумма для мундира девятилетнего мальчика. Скорее всего, книга принадлежала тому арапу Абраму, который выехал на учёбу во Францию несколькими годами ранее Абрама Петровича.

Из его же биографии перешёл в биографию Ганнибала эпизод с войной за испанское наследство. Из немецкой биографии Ганнибала: «...произведённый оттуда в офицеры артиллерии, он затем участвовал в войне за испанское наследство во всех походах в чине капитана артиллерии, тогда же он был использован и в инженерном деле в минных галереях, участвовал здесь в подземных сражени-

году создали школу молодых инженеров, в которую иностранцев не принимали, кроме тех, что служили во французской армии. Фактически Абрам стал наёмником. Очень похоже на то, что требование прибыть в Россию прозвучало после получения известия об этом.

Судя по всему, Абрам Петров решил стать невозвращенцем. Он всячески оттягивает время отъезда в Россию. Макаров шлёт письмо с требованием немедленно выехать морем в Россию. Абрам отговаривается: «...прошу вас, – пишет он, – государя моего, доложить его величеству, что я не морской человек... Моя смерть будет, если не покажут надо мною милосердие Божеское... Ежели императорское величество ничего не пожалует, чем бы мне доехать в Петербург сухим путём, то рад и готов пешком идти...»

Знает хитрый Абрам Петров, что Пётр деньгами не бросается, прижимист предельно.

Ещё год пробыл Абрам во Франции. Но петербургские хитрецы всё же нашли способ вернуть строптивца: не хочешь ехать сам морем, поедешь с посольством князя Долгорукова.

Весной 1723 года Абрам покинул Францию. Далее по тексту «Немецкой биографии»: «Получив известие об его приближении, государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему навстречу из Петербурга до Красного села, на 27-ю версту, а затем назначил его на 28-м году капитан-лейтенантом бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка; в последней каждый правящий монарх всегда сам является капитаном, и потому Ганнибал по своей должности имел ежедневный верный случай часто говорить со своим капитаном без предварительного доклада».

Пушкин в романе «Арап Петра Великого» творчески обработал этот момент. Пётр I не только выехал навстречу своему крестнику, но и ждал его в трактире «со вчерашнего дня».

Здесь практически всё вымысел. Император получил известие не о приближении своего бывшего арапа, а о прибытии посольства, и действительно выехал ему навстречу. Камерюнкер Берхгольц писал об этом так: «25 мая... государь ездил навстречу двум господам, именно князю Долгорукову и графу Головкину, прибывшему из Берлина. Первый находился вне России 15, а последний 16 лет. Долгорукий был послом при датском и французском дворах... Они сидели с императором в коляске и были встречены им за несколько верст до города».

Бывшему фавориту не нашлось... места рядом с императором, и это вполне объяснимо, если учесть, что количество денщиков фаворитов у Петра было так велико, что он их, скорее всего, и не помнил.

Абрама Петровича отправили в Преображенский полк. Конечно, он не стал капитан-лейтенантом и не имел возможности ежедневно встречаться и беседовать с императором. Честолюбие его уязвлено.

Очень скоро ему надоело обучать «архитектуре милитарис» туповатых унтер-офицеров. Он решил напомнить о себе, отослав Екатерине I рукописный экземпляр своей книги «Геометрия и фортификация». В небольшом посвящении Абрам Петров осторожно намекает на те главы биографии, которые невозможно было проверить: крестился в Вильно в 1705 году, восприемник – сам государь Пётр. Оставлен лично императором в Париже, рекомендован принцу крови Дюку дю Мену...

Екатерина не оставила без внимания это обращение и определила Абрама Петровича учителем математики к Петру II.

Умный и хитрый арап не мог, конечно, ужиться при дворе с всесильным Меншиковым. После восшествия на престол Петра II несчастный учитель математики отправился в служебную командировку в Селенгинск, где по странному стечению обстоятельств встретился с графом Саввой Рагузинским. Если помните, именно этот человек придумал первые штрихи легендарной биографии Ганнибала, которая в наиболее краткой и завершённой форме представлена в академическом издании «Путеводитель по Пушкину», вышедшем в 1931 году.

Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал. Мать А.С. Пушкина

Сергей Львович Пушкин, отец поэта

кирх вошёл в его семью. «Много позже, уже в наше недавнее время, покойный родоначальник ныне в Европе существующего рода Ганнибалов хотел притязать на возобновление княжеского титула, опираясь на свое рождение от княжеских предков, согласно этим документам и доказательствам; однако его старший сын, генерал-лейтенант и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, отсоветовал ему это предприятие на основании того аргумента, что княжеское достоинство требует и княжеского состояния».

Автор биографии называет Ганнибала «новым Иосифом», сравнивая продажу библейского Иосифа, попавшего в Египет, с судьбой Абрама Ганнибала, привезённого в Россию. Схожесть действительно имеется: оба были продаваемы и перепродаваемы, оба помнили своих родичей и свою родину, оба достигли высокого положения в той стране, где очутились. Александр Сергеевич Пушкин тонко уловил одну особенность биографии прадеда: личность его имеет интерес и вес для истории, только если рядом и над ним находится Пётр I. Достаточно убрать Абрама от Петра Великого и... образ арапа тает, размывается среди многих арапчат, соприкасавшихся с государем в этот период. Их действительно было много, причём многие носили имя Абрам.

В 1698 году Пётр I отправился в свое первое путешествие в Европу. Его любимец Лефорт в письме от 8 февраля напоминал: «Пожалуйста не забывают купит араби». К 25 марта Петр, видимо, выполнил просьбу Лефорта.

Активно занимался постановкой арапчиков русским вельможам Савва Владиславич Рагузинский. При этом никто и никогда детей не воровал. Существовал развитый рынок работорговли, где

Петру Андреевичу, потому что так писал ко мне и господин Савва, и человек его сказал, что тот негоден.

Меньший из них именован Абрам крещён от племянника господара мултанского, а большой ещё в басурманстве...

А в Азов все товары Савины пришли в целости с племянником его маленьким, а как будут сюда, что надлежит к вельможности вашей выберем и отдадим...

Можно ли считать арапчика, посланного к графу Апраксину Саввой и наречённого Абрам, будущим Абрамом Петровичем Ганнибалом? Нет, по двум причинам: мальчик по пути в Москву уже был крещён, а мы знаем, что Абрама Петровича крестил в Вильно сам Пётр I; подлинный Абрам прибыл в Москву вместе с племянником Саввы Рагузинского. Когда Рагузинский приехал в Азов, где ожидали его товары и маленький племянник, то поступил указ Петра Великого достать ему ещё арапчат. Он взял своего племянника, соединил с двумя другими мальчиками и отправил в Москву. В качестве сопроводительного документа с ними пошла легенда, что Савва украл двух арапчат из серала султана, причём один из них сын абиссинского князя.

Это могло произойти весной или летом 1705 года. Сколько лет Ганнибалу? Учёные определяют его год рождения между 1695 и 1698 годом. «Преимущество за 1696 годом, который мы и считаем наиболее вероятным годом рождения прадеда А.С. Пушкина», – отмечал Георг Леец.

Данные из биографии Абрама Петровича накладываются на эпизоды из биографий иных арапов по имени Абрам. В книге И. Фейнберга «Абрам Петрович Ганнибал, прадед Пушкина» в качестве иллюстрации приведено фото титула книги, где красивым крупным почерком написано по-немецки: «Абрахам Петро-

ях; при этом однажды был сильно ранен в голову и в конце концов взят в плен».

Война эта началась в 1700 году. Завершилась подписанием Утрехтского (1713 г.) и Раштаттского (1714 г.) мирных договоров. Абрам Петрович никак не мог успеть поучаствовать в ней. Во Францию он приехал только в 1717 году в свите Петра I. Следовательно, в войне участвовал иной человек, который был ранен и взят в плен. После пропал. Ганнибал присоединил факт его биографии к своей и стал героем Испанской войны. Нужно заметить, что в обращении к Екатерине I и Елизавете Петровне он никогда об этом не упоминает. Появляется это только в биографии, написанной Роткирхом.

Из французской жизни Абрама Ганнибала (тогда он звался просто Абрам Петров) наиболее достоверно известно, что прибыл во Францию он в 1717-м, покинул её летом 1723 года.

Абсолютным вымыслом нужно считать фрагменты биографии, где автор утверждает: «Император Пётр Великий с удовольствием видел растущие успехи своего крестника в знаниях и науках; для усовершенствования соответственно обстоятельствам тогдашнего времени послал он его с значительной стипендией и особыми рекомендациями к тогдашнему регенту Франции герцогу Орлеанскому с горячей просьбой взять на себя наблюдение за ним...»

Никакой особой стипендии не было. Абрам получал сто сорок ефимков в год. Причём жалованье он, как и другие ученики, получал бумажными деньгами, которые из-за инфляции сильно упали в цене. Абрам голодал. Это невыносимое положение подтолкнуло его на вступление во французскую службу. В письме к кабинет-секретарю Макарову он оправдывает свой поступок тем, что в 1720

► Не очень понятно, почему авторы этого издания титулуют Рагузинского графом. В момент поставки арапчат ко двору он титул этот ещё не получил. Он только начинал карьеру тайного агента при российском внешнеполитическом ведомстве. В дипломатической переписке начала XVIII века тайный агент в Константинополе титулуется скромно: «человек». Звучит почти как раб или холоп, но человек умный, хитрый и очень состоятельный. Он делает стремительную карьеру на русской службе. Уже в 1702 году встречается в Азове с Петром I, при встрече рекомендует «греческим купцом». А в именном указе от 2 апреля 1705 года Рагузинский именуется иллирийским шляхтичем и торговым человеком.

К тому времени через Савву идёт солидный поток денежных средств, направленный для подкупа турецких чиновников. От его деятельности во многом зависит внешняя политика Турции в Причерноморье и на Балканах. Пётр Андреевич Толстой очень дорожит своим агентом, справедливо полагая, что он «...зело искусен и на многие тайные вещи ведомец», а кроме того, скуп неимоверно.

Основные торговые пути Рагузинского проходили через Малороссию и Азов. 1 июля 1703 года Савва обращается с челобитной к Петру I и почти через два года получает, говоря современным языком, лицензию на свободную торговлю через Азов, где ему высочайше разрешено иметь дом и лавку. Ещё когда Азов был турецким, Савва наверняка имел грамоту от султана и дом с лавкой тоже имел, но власть сменилась, пришлось пойти на службу к русскому царю.

Через Азов и Савву Рагузинского шёл путь и в Константинополь, и на Балканы, и в центральную и южную Европу.

И вот Савва получает приказ привезти для царя арапчат. Неужели этот опытный и осторожный человек поставит под угрозу свою жизнь, состояние и карьеру и будет воровать из султанского сераля мальчиков-арапчат? Никогда не пошло бы на это и русское правительство. Савва мог получить подобный приказ только как дополнение к агентурной работе, причём он ничем не должен был рисковать, а это возможно только в случае, если Савва имел большой опыт в торговле живым товаром.

За десять лет до появления мальчика Абрама в России Петру I привезли смуглого арапчонка, в крещении получившего имя Алексей и отчество Петрович. Впоследствии оказалось, что Алексей Петрович был родным братом Абрама Петровича. Одна и та же семья с разницей в десять лет поставила русскому царю двух родных братьев. Это возможно только в том случае, если поставщик мальчиков арапчат был один – Савва Рагузинский.

К мальчикам предъявлялись три основных требования: они должны быть смуглы, некрасивы и интеллектуально развиты. Первые два трудности не представляли – на любом базаре от Константинополя до Крыма и Азова можно было приобрести смуглых и не очень красивых мальчиков, но как определить, что этот ребёнок способен к наукам? Проще всего и ранее выбрать ребёнка из своей среды, тем более если заранее известно, что он попадёт ко двору русского царя. Такая «своя» среда могла быть у Саввы только в Азове. Недаром вместе с Абрамом в Москву привёз он и своего племянника.

Скорее всего, ошибался Пётр Андреевич Толстой, называя Савву «породоу рагузенина». Национальная принадлежность несколько проявляется в имени: Савва – усечённая форма от древнееврейского Вар-Сава, «праведный». Именем Вар-Сава называли библейского Иосифа.

Следовательно, подлинное имя Саввы – Иосиф из Азова. Принято считать, что топоним Азов происходит от этнонима «асы», или «аланы», – кочевые племена, обитавшие в Приазовье в начале I тысячелетия н. э. Кажется, что это очередная историческая ошибка. Какие города могут быть у кочевников? Название происходит от имени собственного: Азов – замена гласной в на «ф» – Азеф. Дальше близкородственное сирийское

Юсеф, польское Юзеф, а в основе всё то же библейское Иосиф. Азов – город Иосифа праведного. Савва (Иосиф) родом из рода Иосифа.

Во время взятия Азова русскими войсками в июле 1796 года возник вопрос об «охреях». Так называли на Руси раскольников. Колония охреян жила при турках в Азове. При сдаче города договорились, что с турками уйдут те охреяне, которые приняли мусульманство. Трудно представить, что речь идёт о русских раскольниках. Православные раскольники шли на смерть за свою веру, согласно с учением одного из своих лидеров, протоппа Аввакума: «Насильственная смерть за веру вожделенна».

Возможно, под охреями в Азове имелись в виду еврейские раскольники (миним), получившие имя караимы

их к биографии маленького Абрама. Почему именно абиссинская легенда стала основой биографии Абрама Ганнибала? Савва только подыграл Петру I, зная его интерес к этой стране. Во всяком случае, появление при дворе маленького абиссинского принца могло заинтересовать Петра.

Мог ли иудейский мальчик сойти за смуглого арапа? Среди евреев антропологи отмечают значительные колебания в пигментации кожи: от белого до смуглого и почти черного. Сто лет назад доктор Тривус, изучавший этот вопрос, писал: «Испанские сефарды и голландские евреи – чистый семитический тип, длинноголовые, продолговатое лицо, смуглый цвет кожи».

После изгнания евреев из Испании смуглолицые сефарды двинулись через

принять новое христианское имя не захотел. Пришлось смириться с удивительным упорством крестника и высочайше разрешить впредь именоваться Абрамом. Абрам питал явную склонность к библейским именам. Все его сыновья носили исключительно библейские имена. И это не случайно. Древнее название караимов Бене-Микра и Баале-Микра означает «библейцы».

Как справедливо заметил Георг Леец, Абрам Петрович Петров превратился в Абрама Петровича Ганнибала только в 1732 году, когда приобрёл у адмирала Головина мызу Карьякула около Ревеля.

Для землевладельца в Прибалтике фамилия была обязательна, но фамилия Петров не звучит. Тогда на свет появилось имя Ганнибал. Леец считает, что мысль об его использовании зародилась у Абрама Петровича ещё во время его пребывания во Франции.

Полагаю, что имя это было с Абрамом от рождения. Ганнибал – самое распространённое пунийское имя. Переводится оно как «милостив ко мне Бог». Традиция давать детям двойные имена очень широко распространена у многих народов древности. Система двойных имен – одно для официального употребления, а второе, тайное, имеющее духовный смысл, существует среди караимов и сегодня.

Во время встречи с графом Рагузинским в Селенгинске Абрам Петрович вполне мог узнать о существовании второго имени.

Интеллектуальные задатки Абрама Петровича Ганнибала во всю силу проявились в его правнучке Александре Пушкине, и только поэтому мы обязаны критически проверить каждый факт и каждую легенду в биографии его предка.

Антропологическое изучение физического облика Александра Сергеевича Пушкина практически не подвинулось ни на шаг за последние сто лет, когда Д.Н. Анучин писал, что антропологическое изучение Пушкина «является необходимым». Исследователи стыдливо обходили этот вопрос. Илья Фейнберг в работе «Читая тетради Пушкина» (М., 1985), ограничивается туманными рассуждениями о сложной семито-хамитской смеси, образовавшейся в средневековой Абиссинии. Д.Н. Анучин был более определен: «...некоторый семитический оттенок был присущ физическому типу Пушкина». Известный антрополог делает смелое заявление: «Нельзя игнорировать также тот факт, что как при жизни Пушкина, так и в новейшее время личности, считавшиеся наиболее походившими на Пушкина по типу своих волос и лица, оказывались обыкновенно евреями» – и предлагает продолжить изучение портретов и посмертной маски Пушкина. Но это тупиковый метод. Изучать нужно останки поэта и его родственников, прежде всего Абрама Ганнибала.

Тип волос и тип лица – это память физиологическая. Пушкин был курчав и рыжеват. Сын Пушкина Александр тоже был рыж. Неужели «арап Петра Великого» имел рыжие волосы?

Ещё есть память историческая. Кажется, что память о происхождении Пушкина через его прадеда Абрама Ганнибала ещё не так давно была жива. С. Станиславский в статье «По поводу шестидесятилетия кончины А.С. Пушкина» писал: «...несмотря на явное нерасположение великого русского поэта к потомкам Израиля, Пушкин пользуется редкой популярностью среди евреев, так что во время празднования пятидесятилетия со дня его кончины, как нам положительно известно, в одной из южных еврейских общин по нём отслужена была панихида». Заметьте, не во всех еврейских общинах, не в нескольких, а только в одной.

* * *

Признав прадеда А.С. Пушкина караимом, я, конечно, не хочу сказать, что с этого момента Пушкин перестает быть русским поэтом. Он был, есть и будет поэтом русским, но в его физическом типе соединены признаки нескольких рас и народов, в том числе и караимов.

А.С. Пушкин. Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

(«книжники»). Колония евреев-караимов появилась в Приазовье ещё при хазарах. В VII – X веках н. э. в низовье Дона находился город Саркел (русский вариант – Белая Вежа) – столица Хазарского каганата. Поселения караимов не только органично вошли в структуру каганата, но и настолько сильно влияли на политическую и духовную жизнь государства и общества, что иудаизм стал официальной религией хазар.

Каганат исчез с политической сцены, но остались поселения караимов. Они протянулись от Азова через Приазовье в Крым, где караимские общины существовали веками в Феодосии, Бахчисарае, Чуфут-Кале (Крепости евреев). Торговые пути связывали азовских караимов со всем миром, где проживали их единоверцы. Глава караимов – нази (князь), позднее гахам, имел резиденцию в Каире. Последний каирский гахам Иешуа Бен Барух жил в середине XVIII столетия.

Торговые пути связывали приазовских караимов с Испанией. Вполне вероятно, что существовали связи и с Абиссинией. Рассказы об этих странах известны были азовским караимам в XVIII столетии. Савва Рагузинский творчески применил

Балканы в Причерноморье и Приазовье. В XIII веке имела место значительная миграция караимов из Византийской империи в Крым – караимы бежали от крестоносцев. В 1392 году, разгромив крымских татар, литовский князь Витовт увёл в Литву значительное количество караимских семей. Они расселены в Троках, в Луцке, в Галиче и в местечке Красный Остров возле Львова.

Литовские караимы с тех пор стали называться трокскими, а крымские и азовские – таврическими. Связи между этими ветвями никогда не прерывались. В среде караимов постоянно поддерживался высокий уровень духовности и светской образованности. Когда гахамы караимских общин в Крыму и Приазовье почувствовали, что интеллектуальный уровень таврических караимов понизился до критической, с их точки зрения, черты, то в конце XVII – начале XVIII столетия были приглашены учёные караимы из Луцка и Трок.

Близок к караимской интеллектуальной элите был и Савва Рагузинский. Именно из этой среды взяли мальчика Абрама для отсылки Петру. Мальчик государю пришёлся по вкусу, только вот

«Муля, не нервируй меня!»
Фаина Раневская в знаменитом
«Подкидыше», 1939 год

Жизнь её окающаяся

ИЗ ДНЕВНИКОВ
ФАИНЫ РАНЕВСКОЙ

Публикация 2012 года

Фаина Раневская, 1929 год

Не буду писать книгу о себе. Не хочется делать свою жизнь достоянием публики. И к тому же у меня непреодолимое отвращение к процессу писания. Лепет стариковский, омерзительная распушенность, ненавижу мемуары актёрские.

Книга должна быть написана художником или мыслителем. Гений – это талант умершего.

Вот почему порвала мой опус.

Скромность или же сатанинская гордыня! Нет, тут что-то другое... Не хочу обнародовать жизнь мою трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных...

По всем публикациям о Раневской разбросаны упоминания об обидах и несправедливостях, которые выпали на долю актрисы. Ничтожное количество ролей в кино, одиночество, горечь отчаяния – рассуждения на эту тему давно стали хорошим тоном и общим местом. Но что и как происходило на самом деле, кто играл – как это принято выражаться – «неблаговидные» роли, порой уходит из кадра. Точнее, остаётся за полями той книги, кото-

рую так и не написала Фаина Георгиевна. Предлагаемый фрагмент рукописи (хранящийся в РГАЛИ и не публиковавшийся ранее – по крайней мере, в широкой печати), разумеется, лишь отчасти даёт представление об одном из самых драматичных периодов в жизни великой актрисы.

Почти полвека проработала Раневская в московских театрах. Шесть лет в Театре Советской армии, столько же – у Охлопкова, восемь – у Равенских в Театре им. Пушкина. В начале шестидесятых во время репетиции в этом театре ей сделали замечание: «Фаина Георгиевна, говорите чётче, у вас как будто что-то во рту». Напросились. «А вы разве не знаете, что у меня полон рот говна?!» И вскоре ушла.

Почти тридцать лет «прослужила» у Ю.А. Завадского в Театре им. Моссовета. Отсюда Раневская тоже несколько раз уходила, возвращалась и вновь писала заявление об уходе. Завадский старался не помнить обид. Точнее, не хотел на них сосредотачиваться. Он умел казаться великодушным. Иногда был таким. «Прохладный он у нас», – сказала его верная экономка Вассена влюблённой в Завадского Цветаевой.

О взаимоотношениях Раневской и Завадского можно написать отдельную книгу: извечный конфликт между КАЗАТЬСЯ и БЫТЬ нашёл в их личностях достойное воплощение.

Я никогда не испытывала того, что называется «травля». Видимо, это и есть то

самое. Людей, самых различных по своей натуре, вкусам и воспитанию, можно легко спаять, крикнув им: «Куси!» И тогда начинается то, что так любят охотники. У всякого человека, тем более актёра, есть в его среде недоброжелатели, мелкие завистники, а когда это всё собирается воедино, подогреваемое начальством, – тут надо устоять одной против всех. Трудно это с грудной жабой в 60 лет. Молю об одном: «Господи, дай мне силы!» Вновь вспоминаю точные слова Ларошфуко: «Мы не любим тех, кем восхищаемся».

Недавно перечитывала «Осуждение Паганини». Какой ерундой всё это представляется рядом с травлей этого гения.

Свердловск. Август 1955 года

Пишу это письмо, не зная, кому его адресовать, так как это никому и не надо, и неинтересно. Пишу, наверное, для того, чтобы не сойти с ума в одиночестве. Когда после долгих и мучительных колебаний и опасений ехать на Урал я всё же решилась поехать, первый человек, которого я встретила на вокзале, был Завадский. Он удивился, увидев меня, и спросил: «Зачем вы едете, ведь у вас бюллетень?» Я ответила, что еду, чтобы не сорвать «Сомовых», так как у меня нет дублёри, и что Ирина Вульф очень не хочет никого вводить, опасаясь ослабить спектакль – как она мне сказала. Моей

► ошибкой было то, что я тут же не вернулась с вокзала. Я добавила, что еду с тем, чтобы репетировать «Министершу». В Челябинске репетиций не было: Завадский уезжал в Москву. Первая репетиция была 6-го числа в Свердловске. С первой же репетиции, которую повёл Завадский, было ясно и многим другим, что работать со мной он не хочет. Относился ко мне в процессе так называемой работы скучающе-снисходительно, рисовал, томился, предупреждал меня, что я роли не доиграю до конца, предлагал мизансцены, которые ни один нормальный актёр принять не может. К примеру: сесть на пол мимо стула и оставаться всю сцену на полу на карачках и в такой позе вести диалог. Больше ничего не предложил, скушал, рисовал – вокруг все репетировали, все игравшие давали советы, указания.

(Примечание Раневской 1976 года: «...Без содрогания не могу вспомнить этой «репетиции». Я ушла из театра. То, к чему он и стремился».)

Атмосфера была мучительная, не творчество, что-то от самодеятельности. В зал репетиционный входили и выходили, разговаривали, мешали. Я понимала, что в таких условиях не охватить огромной, труднейшей роли. Сидели на первом акте, перевод последующих актов не был готов.

13 августа. Дикая боль в сердце.

19-го. Был спазм в сердце и мозговых сосудах, боль была такая невыносимая, что я кричала. Давление подскочило небывало: 165.

Двое суток держался спазм. Было много докторов – «укротителей».

Спазмы сердца и в голове начались после того, как я узнала, что обо мне было собрание, на которое меня не позвали, чтобы я не могла оправдаться во всех взваленных на меня обвинениях. Приходил Оленин, мучил несколько часов нотациями, потом приходил Мордвинов и тоже мучил упреками в заносчивости, зазнайстве, в том, что я завладела машиной, лучшей гостиницей, что меня встречают аплодисментами, что я всегда лезла вперёд фотографироваться, что во Львове я вышла на одно собрание, где меня вызывали в президиум, на аплодисменты, относящиеся к Сталину, чтобы своим появлением сделать вид, что аплодисменты относились ко мне...

А вот черновик обращения в Министерство культуры, написанный рукой Раневской.

20.7.55 г.

Несколько дней до скандала на репетиции «Министерши» в театре шли разговоры о предстоящем производственном совещании, которое откладывала

дирекция и парторганизация по разным причинам, одна из которых была недопомогание С. Насколько мне известно, «недомогание» заключалось в том, что С. беспорядочно пьянствовал, запершись у себя в номере. Я слышала о недовольстве рабочих сцены дирекцией и о требованиях рабочих провести производственное совещание, на котором они хотели высказать эти недовольства. И когда на следующий день после скандала на репетиции мне в частном разговоре Михайлов (актёр Театра им. Моссовета. – Д.Щ.) сказал о том, что идёт на собрание, я была уверена, что собрание это и есть то самое производственное совещание, которого все дожидались. Думала, что на этом собрании будут обсуждать будущее помещение театра и пр. Чувствуя себя физически не здоровой, решила на собрание не ходить. Когда Оленин сказал мне, что собрание было посвящено только мне и все выступления были только обо мне – где мне было предъявлено много обвинений,

Кинематограф использовал исключительно комедийный талант актрисы. Драматических ролей в кино ей не предлагали, что всегда её огорчало. Фаина Раневская в фильмах «Лёгкая жизнь» (1964), «Золушка» (1947), «Весна» (1947)

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

в частности обвинение дирекции и Завадского в срыве репетиций по выпуску премьеры «Министерши», – я поняла, что не была вызвана на это собрание ни парторганизацией, ни месткомом, ни дирекцией намеренно. Для того, чтобы не дать собранию разъяснений по поводу того, как велась работа над этим спектаклем, вернее, как НЕ велась никакой работы главным режиссёром, который в период гастролей не вёл никаких репетиций и которого я силой заставила репетировать в Свердловске, где было только пять репетиций, на которых главный режиссёр явно выказывал свою незаинтересованность в работе со мной, что меня глубоко огорчило и вызвало во мне чувство раздражения, так как я работала интенсивно и, видя пассивность главного режиссёра, была творчески активна, несмотря на сильное недомогание, работала увлечённо, стараясь своей увлечённостью заразить моих партнёров, которые, видя незаинтересованность Завадского, были раздражительны и недисциплинированы, что, в свою очередь, углубляло моё раздражение и что в результате явилось поводом к скандалу, который выразился в том, что главный режиссёр позволил себе крикнуть мне: «Убирайтесь вон из театра». На что я ответила ему той же фразой. (В другой редакции фраза Раневской звучала: «Вон из искусства!» – Д.Щ.) Не могла иначе прореагировать на

оскорбление, нанесённое мне впервые в жизни, к тому же публично и никак не заслуженно. Идя навстречу театру, несмотря на запрещение врачей, я поехала на Урал, где в силу климатических условий чувствовала себя настолько плохо, что врачи настаивали на моём возвращении в Москву, в привычные для меня климатические условия. И всё же, преодолевая недомогание, я упорно работала над ролью, играла спектакли и даже в день, когда главный режиссёр оскорбил меня, играла, имея полное право не играть по состоянию здоровья. Чувство обязательства по отношению к театру и зрителю заставляло меня остаться до конца гастролей, несмотря на то что руководство театра и парторганизация не нашли нужным вызвать меня на собрание, где я подверглась незаслуженным нападкам руководителей, а также части актёров, недовольных мною по тем или иным причинам. После собрания ко мне заходили актёры Адоскин, Баранцев, Сошальская, Михайлов и другие и выражали своё сочувствие мне и возмущение поведением руководства и парторганизации, устроившей это незаконное собрание в отсутствие человека, которого обвиняют. <...>

Протокол собрания мне не показали из опасений усугубить моё болезненное состояние!!!

Узнав об этом собрании и о том, что меня сняли с роли Министерши, я перенесла тяжёлый спазм сосудов и сердца. Считаю поведение дирекции и парторганизации незаконным, бесчеловечным и жестоким в отношении актрисы моего возраста... Если я была в чём-то не права, руководство должно было объявить мне выговор, но такая мера воздействия представляется мне несовместимой с моими представлениями о советской законности.

По целому ряду фактов я поняла, что главный режиссёр не хотел, чтобы я играла роль Министерши. Показ спектакля должен был состояться в конце августа в Свердловске, и в то же время главный режиссёр из Челябинска уехал в Москву, сказав, что до его возвращения репетиций быть не должно. Вернувшись из Москвы, постановщик спектакля «Министерша» не приступал к репетициям. В Свердловске 4-го числа он вызвал участников в кабинет, где занимался рисованием, в то время как я сбивалась с ног в поисках мизансцен и решения кусков. Все последующие две репетиции тоже были посвящены рисованию, что вызвало во мне особое раздражение, так как нет ничего для актёра мучительнее, чем незаинтересованность, апатия и отсутствие интереса к его творчеству со стороны режиссёра-постановщика. <...>

Учитывая то, что помимо инцидента с «Министершей» я за годы пребывания в театре была мало использована, прошу Вас перевести меня в один из театров, где могу быть нужна и полезна. Однажды ко мне обращался режиссёр Туманов из

ИТАР-ТАСС

ПЕТУСОВ/«РИА НОВОСТИ»

ИТАР-ТАСС

Анна Ахматова, Юрий Завадский, Марина Цветаева – люди, сыгравшие большую роль в жизни Фаины Раневской. С великими поээтессами она дружила, с великим режиссёром постоянно ссорилась

Театра имени Пушкина с предложением с ним работать, и если он не изменил своего взгляда на меня как на актрису, я бы сейчас приняла это предложение.

По окончании гастролей в начале сентября буду в Москве, где надеюсь с Вами обсудить этот вопрос...

* * *

На меня вылили помойное ведро, и никто не встал и не сказал, что это всё результат недовольства отдельных актёров: одному не сказала похвальных слов, с другим не хочу играть в концертах, третьему не сказала, что он хороший артист, четвёртого разозлило, что меня встречают хлопками, а его нет, с пятым не общаюсь (было неинтересно), шестого обругала за то, что не профессионален, на репетициях не собран, распушен, не работает сам дома и т.д.

Предместкома сказал в кругу своих приятелей, после того как довели до припадка: «Пора кончать этот Освенцим Раневской».

Оленин инкриминировал то, что я, входя на собрание, сажусь в первый ряд!!! Значит, должна сидеть сзади. Что в каждом моём шаге – моя нескромность и самоуверенность. Говорят, чёрт не тот, кто побеждает, а тот, кто смог остаться один. Меня боятся.

Как я могла всё это вынести? Перечитала своё заявление. Глупая, глупая.

* * *

Тетрадошка, подаренная Н. Сухоцкой

«Дни моей жизни под конец.
Sapienter sat». Здесь прах почивает той, что славы
и сребра
Средь мира тленного в сей жизни
не снискала.
Державин

Прошу иметь в виду для надгробной эпитафии.

Сегодня Л., с которой мы гуляли в Ботаническом саду, шлёпая по лужам, сказала: «Я хорошо понимаю то, что вы теперь постоянно вспоминаете детство, эти воспоминания – «грёзы старости».

...Последний вечер в Малеевке, будь она трижды проклята. Доконали симпатиями, восторгам, комплиментами, болтовней.

Живу в домике на отлёте. Сторожей нет, горланят хулиганы из деревни. Прибежала соседка-криминалистка – пишет диссертацию. Посоветовала опасаться родственников и хороших знакомых, которые главным образом и убивают близких!

Никогда ещё так не уставала, как на отдыхе в Малеевке.

...Жаль, что не писала, не записывала.

А знаю многое, видела многое, радовалась и ужасалась многому.

И ещё одна неудача – дай Бог последняя – в моей неудачливой, окаянной жизни: «летний отдых».

Ниночка (Сухоцкая. – Д.Щ.) по свойству её характера видеть «прекрасное» во всём описала мне предстоящую райскую жизнь в августе на даче со всеми удобствами (кошмар со всеми удобствами).

Ушла бы пешком домой, но там никого нет, кто поможет и мне, и моей больной собаке.

Внуково, 1976 год

Встречи, встречи, письма, письма, письма, письма – это после показа моих старых плёнок. Неужели так мало сейчас хороших актрис?

...Звонила Маргарита Алигер, хвалила, хвалили её друзья, знакомые. Маргарита сердилась, даже ругала за то, что я не рада успеху, велела радоваться, а я не могу радоваться, не получается. Наоборот – тоскливо ужасно.

Нет рядом Павлы Леонтьевны – и всё в этом.

У меня сегодня особый счастливый день. Позвонил Райкин.

У меня теперь «жизнь в искусстве» – когда читаю жизнь и творчество Станиславского в четырёх томах. Театр? Его нет – есть пародия на театр.

1977 год

...Весна в апреле. На днях выпал снег, потом вылезло солнце, потом спряталось, и было чувство, что у весны тяжёлые роды.

Книжку писала три раза, прочитав, рвала.

...Меня терзает жалость. Кто-то сказал: «Жалость – божественный лик любви». Ночью болит всё, а больше всего – совесть. Жалею, что порвала дневники, – там было всё.

Есть имена, как душевные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя,
Есть тонкие извилистые рты
С глубокими и влажными углами.
Есть женщины, их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. Зачем тебе, зачем
Моя душа – Спартанского ребёнка.

Марина Цветаева

Почему, почему мне пришли сейчас на память эти стихи молоденькой Марины?

Стала учить старую пьесу Островского и вспомнила эти стихи. Откуда, зачем, почему? Ничего не понимаю и не пойму. Помню, как Марина читала, ни на кого не походя, нездешняя. Потом вспомнила Марину старую, после Парижа, после гибели мужа. Я помогла ей, чем смогла. Потом война, я её потеряла. Потом её гибель.

...Скверно всё, ненужно.

27.2.80 г.

...Была Катя Дыховичная, без голоса, потеряла голос. Как же она, бедняга, будет теперь работать редактором на радио? Хочется мне записать на радио Лескова – «Полуночники».

Тоскливо. Книгу писала три года, потом порвала. Аванс выплатила наполовину, вторая – за мной.

Тоскливо, нет болезни мучительнее тоски.

Кому это пишу? Себе самой.

Как жестоко наказал меня «создатель» – дал мне чувство сострадания. Сейчас в газете прочитала, что после недавнего землетрясения в Италии, после гибели тысяч жизней, случилась новая трагедия: снежная буря. Высота снега до шести метров, горы снега обрушились на дома (очевидно, где живёт беднота) и погребли под собой всё. Позвонила Н.И., рассказала ей о трагедии Южной Италии и моём отчаянии. Она в ответ стала говорить об успехах своей книги!

...Как же мне одиноко в этом страшном мире бед и бессердечия.

Публикацию подготовил
Дмитрий ЩЕГЛОВ

ЮРИЙ СМОЛОВ/«РИА НОВОСТИ»

ПЕТУСОВ/«РИА НОВОСТИ»

Театр открыл и драматическое дарование актрисы. С Ростиславом Пляттом в спектакле Театра имени Моссовета «Дальше – тишина» (1969)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ДРУЗЕЙ, ЗАПИСАННЫХ
ВАЛЕРИЕМ
ПЕРЕВОЗЧИКОВЫМ

Публикация 2011 года

Вспоминает Нэлли Белаковски:
В конце шестидесятых годов я уже начинала заниматься зубопротезированием, и довольно успешно... Немного знала Лёву Кочаряна, потому что мой брат Саша Бродский работал вторым режиссёром на «Мосфильме», и они дружили. В одном фильме, который снимал Кочарян, Саша был вторым режиссёром, к этому же фильму имел отношение Высоцкий...

– Это был единственный фильм Кочаряна, «Один шанс из тысячи»...

– В это время они трое дружили... И часто свободное время Володя, Саша и Лёва проводили в доме моей мамы – это Столешников переулок, дом семь. А у меня в это время была маленькая дочка, которую я, вместо детского сада, приводила к маме. Приходила за ней часа в два, потому что стоматологи работали тогда до часа. Приходила и заставляла там всю троицу и... «необыкновенный концерт». Концерты эти были интересны тем, что начинались они с распития бутылки водки, и, конечно, своим необычным репертуаром. Обычно они покупали бутылку водки, две минералки и банку баклажанной икры. Лёва мелко-мелко резал лук – получался такой салат... Выпивали, закусывали, мой брат садился за пианино, и начинался концерт... «На Тихорецкую состав отправится...», «А шизофреники – вяжут венки, а параноики – рисуют нолики...», «Красное, зелёное...», «Город уши заткнул...».

Конечно, Володя был автором большинства песен, но куплеты переставлялись, менялись слова, то есть Лёва и Саша принимали активное участие. Я помню, как на моих глазах «делалась» песня «ЗЭКа Васильев и Петров ЗЭКа»... Обычно одной бутылкой дело не заканчивалось, а денег у них почти никогда не было... И они обращались к моей маме: «Займите пять рублей!» А отдавали, помоему, очень редко. Мама, конечно, ворчала, но деньги давала. Однажды, когда я шла к маме за ребёнком, прохожу мимо бакалеи на Пушкинской и замечаю всю троицу. Они стоят и чуть не плачут: на асфальте валяются осколки бутылки, а в руках они держат две минералки: «Вот, уронили... Закон подлости – разбилась только водка... Нель, ну займи пятёрку?!»

В 1972 году я уехала из Союза – уезжала навсегда, как на другую планету. Шесть месяцев жила в Израиле, потом три года в Берлине и, наконец, переехала в Кёльн. И вот в 1978 году я вдруг услышала от одного приятеля:

– А ты знаешь, что Высоцкий в городе?!
– Да не может быть!
– Нет, точно.

– Ну, тогда передай ему от меня привет! Не прошло и часа – и Высоцкий вместе с Романом Фрумзоном появился у меня! Стоит и смеётся:

– Нэлёк, а я и не знал, что ты здесь... Я пошутила:
– Что, Володя, пятёрка нужна?
– Нет, пятёрка не нужна, нужно две с половиной штуки.

– Чего?!
– Марок! Марок, Нэлёк...
– А что случилось?
Ну, Володя и рассказывает:
– Представь, купил машину, вторую... Еду – и вдруг отвалился глушитель! Еле добрался до Кёльна.

А они с Романом уже побывали на станции техобслуживания, поговорили с ребятами...

– Можно всё это сделать быстро, будет стоить две с половиной тысячи марок.

А денег у Володи не было. Я подумала, а потом говорю:

– Володя, а ты можешь спеть?
– Конечно, спою. Только гитары с собой нет.
– Нет гитары – достанем. Приходите вечером.

Они уехали, а было как раз воскресенье... Я начала обзванивать своих друзей:

– Вы знаете, в городе – Высоцкий, и будет концерт. Только не в театре, а у меня дома.

Значит, нужно подготовиться. Первое – гитара, второе – водка, третье – еда... Один мой друг поехал доставать гитару, второй – на вокзал, в воскресенье магазины в городе не работают, купил там ящик водки. А третий отправился во Францию, в Льеж: там по воскресеньям бывает ярмарка. Можно купить всё, что угодно: от дичи до грибов... Кроме того, этот товарищ мой – отличный повар, так что всё было на самом высшем уровне!

А пока эти трое уехали по делам, я стала звонить всем, кого знала в Кёльне:

– Сегодня у меня дома концерт Высоцкого!

Многие не верили. Знаете, ведь в эмиграции дружишь со всеми русскими, независимо, кто откуда – из Москвы, из Киева, из Одессы или из Кишинёва. И никто даже и подумать не мог, что когда-нибудь увидит живого Высоцкого! Конечно, Володя был для всех живой легендой!

Ну вот... Ближе к вечеру у меня стали собираться люди. Стол был шикарный: от грибов до фазанов и рябчиков. Я сделала свой «фирменный» салат. Пришел Володя, гитару уже принесли... Все сначала выпили за него, закусили... Расселись кто где мог... Вы знаете, у меня была большая гостиная, но половина людей сидела прямо на полу, на ковре. Да, должна сказать, что Высоцкий за весь вечер не пил ни рюмки.

К сожалению, этот – тоже «необыкновенный» – концерт мы не сняли на видео. Но мы его записали на магнитофон, и я уверена, что плёнку можно легко найти. Сейчас больше половины наших из Кёльна работают здесь, в Москве.

– Да, это была бы очень ценная находка...

– Я понимаю, потому что Володя не только пел, но очень много рассказывал про Москву, про театр, вспомнил и про нашу квартиру, про нашу историю... Пел и рассказывал очень много; я думаю, это продолжалось до часу ночи. А начали мы, наверное, часов в девять... Володя был в чёрной рубашке. Ужасно вспотел, даже взмок. И он мне говорит:

– Лелёк, дай мне во что-нибудь переодеться...

А я жила одна, и никаких мужских вещей в доме не было. И дала ему белую блузку, которая, в общем, была как мужская рубашка, и Володя её надел. И продолжил петь. И вы знаете, наши реагировали по-разному: кто-то задумывался, кто-то смеялся, а кто-то потихоньку плакал... В общем, Володя добрался до наших душ...

А когда Володя закончил петь, я взяла ведёрко для шампанского (оно было сделано в виде чёрной шляпы), положила туда сто марок...

– А теперь, мужики, по столыкину!

Как сейчас помню, Галя Бабушкина прошла с этой шляпой по кругу... Мы потом посчитали – там было две тысячи шестьсот марок. Я сказала:

– Володя, чини машину!

В общем, он сделал машину и уехал... Да, была еще одна очень прискорбная вещь... После концерта Володя попросил у меня шприц. Я говорю:

– Да у меня тысячи шприцев, а дальше что?

– Ну, тогда чего-нибудь лёгкое...

– Есть только то, чем я зубы обезболиваю, а больше ничего...

Я, конечно, догадалась, в чем дело, и, честно говоря, была очень поражена. После этого случая Высоцкий стал появляться в Кёльне довольно часто. И каждый раз ему устраивали концерты. Один раз, я помню, он выступал в большом доме, в «парти-роум» – это то, что у нас раньше называлось «красный уголок»... Собрали всех тех, кто не был у меня... А когда концерт закончился, все тесной компанией поехали ко мне...

Потом был третий, последний концерт, незадолго до его смерти, по-моему, в мае или июле восьмидесятого. Концерт был в небольшом ресторане, который только что открыли молодые ребята, Слава и Лариса. Он назывался «У Ларисы», и Володю попросили спеть, чтобы привлечь внимание к этому ресторану.

Когда Володя зашёл, он сел ко мне за стол и сразу налил себе полный стакан водки. Я говорю:

– Володя, тебе же нельзя! Я знаю, ты «в завязке»...

– Я «развязал», – сказал он и выпил этот стакан водки. На моих глазах это был первый раз после тех московских бутылок...

– А вы не могли уточнить, когда это было?

– Я хорошо помню, что Володя был с рыжими волосами. Да, после этого концерта в ресторане мы заехали ко мне, и у всех есть фотографии, сделанные в этот вечер. Но вот есть ли там дата?

– А какие отношения были у Высоцкого с Романом Фрумзоном?

– Знали они друг друга очень давно, ещё по Союзу. Роман возил Володю в Берлин, и там был концерт. Потом были концерты в Америке, которые организовывал такой Колманович (по другим сведениям, Шульман. – В.П.), но вместе с ними был и Фрумзон.

Да, вот ещё что... Я думаю, что у Володи в Союзе была подруга, девушка очень миниатюрного размера. Говорили, это какая-то актриса театра «Современник»... Не знаю, Володя своих тайн не открывал, потому что, я думаю, Марине это было бы неприятно. Он покупал этой девушке пальто, дубленку, еще какие-то вещи, советовался со мной. Но все было очень маленького размера.

– А как вы узнали о смерти Высоцкого?
– Вот еще одна возможность уточнить даты... Я узнала о смерти Володи через пять или шесть недель после его последнего концерта. Значит, концерт был в июне. Я возвращалась из Франции на этой же машине, на которой отвозила его во Франкфурт, с этими двумя огромными чемоданами, страшно тяжёлыми, – два носильщика везли их на своих тачках...

Ну вот, я возвращалась с отдыха, одна, и вдруг слышу: по французскому радио поёт Высоцкий. Одна песня, другая... Это меня ошеломило. Я думаю: в чём дело? Высоцкий закончил песню, и в этот момент диктор стал говорить, что сегодня ночью скончался поэт, актер и певец Владимир Высоцкий, который был мужем Марины Влади...

А ведь совсем недавно, ночью, в тумане мы ехали в аэропорт... Думали, что опоздаем. Володя нервничал... Я ему ещё говорила:

– Володя, да ладно, опоздаем – останемся у нас...

Мы, конечно, успели. Он улетел, но куда? Я не знаю.

Верный Игорь

Одна из самых загадочных фигур близкого окружения Владимира Высоцкого в последние годы жизни – Игорь Годяев. Загадочной она стала во многом потому, что через несколько лет после смерти В.В. (*Владимир Высоцкий – ред.*) Годяев покончил жизнь самоубийством. Тогда говорили, что он добровольно ушёл из жизни, потому что его мучило раскаяние: не смог спасти Высоцкого. На самом деле всё, разумеется, не так. Но обо всём по порядку.

Игорь Годяев – фельдшер Института скорой помощи имени Склифосовского, тот самый «Игорёк» из посвящения Марины Влади в книге «Владимир, или Прерванный полёт». Приведём несколько характеристик Игоря Годяева – разных и разноречивых, которые помогут составить представление об этом человеке...

Леонид Сульповар, врач Института Склифосовского: «Я с Игорем много работал, он был фельдшером на реанимобиле. Молодой человек и весьма неординарная личность, хотя и с некоторыми комплексами... Игорь всегда искал чего-то необычного, а Высоцкий, вся атмосфера вокруг него, конечно, привлекали. Игорь много сделал для Володи, и Высоцкий принимал его, в общем, нормально. У них были свои отношения, о которых не мне судить...»

Всеволод Абдулов, близкий друг Высоцкого: «Игорь – замечательный человек, абсолютно чистый... Игорёк из тех первых врачей, которые спасли Володю в шестьдесят девятом году. Он один из активных участников каждой помощи, каждого спасения. Были случаи, когда Игорь один, на свой страх и риск, помогал Володе...»

Станислав Щербаков, врач Института Склифосовского: «Годяев – он всегда такой фирменный, немного нагловатый... Папа – какой-то представитель в Японии. Но очень умный мужик и классный фельдшер. Он был такой московский мальчик с хорошим юмором. Конечно, ему было престижно знакомство и общение с самим Высоцким...»

Валерий Янклович, главный администратор Театра на Таганке, близкий друг Высоцкого: «Игорёк работал фельдшером на реанимобиле «Склифа». Он был в той бригаде, которая спасла Володю во время первой клинической смерти. Когда у него горлом кровь пошла в квартире Севы Абдулова. Я познакомился с Игорем, когда они забирали Володю в «Склиф» – выводили из запоев. Так и держалась эта связь до следующей болезни, до наркотиков. Конечно, Игорь был искренне предан Володе: служил не за страх, а за совесть. Очень близкой, духовной связи, конечно, не было: другой уровень; но чисто человеческая близость была. Володя Игоря очень ценил. Ценила Годяева и Марина, ценила в прежние времена. А потом и за все эти алкогольные дела...»

Нина Максимовна Высоцкая: «Годяев... Он больше крутился около Марины. И тут много загадок. Зачем он взял кассеты разговоров Володи с Вадимом Ту-

С одноклассниками перед выпускным вечером на ВДНХ

мановым? Почему у него фотографии Володи с Мариной на Таити? Сосед видел, что он выносил большую коробку с чем-то...»

Артур Макаров: «Годяев... Годяйчик... Игорь... Игорёк... Два раза он был, когда Володя умирал. Вот ему я доверял... Его же страшно «напарили». Родители привезли «Волгу» из-за границы. «Продай, а что будет сверху – твоё». Они поехали с Ш., а их «кинули» – подсунили «куклу»...»

Итак, знакомство Игоря Годяева вначале с Мариной Влади, а потом и с Владимиром Высоцким произошло при трагических обстоятельствах летом 1969 года, когда В.В. побывал в состоянии клинической смерти. Марина Влади: «Я прошу, чтобы срочно вызвали «скорую», у тебя уже не прощупывается пульс, меня охватывает ужас...»

Навсегда влюбленные. Москва, 1968 год

Осмотрев тебя, два врача «скорой помощи» и санитар реагируют до смешного просто: слишком поздно, слишком большой риск, тебя нельзя перевозить. Им не нужен покойник в машине – это повредит плану». В конце концов Марина добивается того, что Высоцкого забирают в реанимационное отделение Института имени Склифосовского. Был ли в этой бригаде Годяев, точно неизвестно...

Но собственно знакомство произошло позже, вечером следующего дня: «Поздно вечером – прошло уже шестнадцать часов, как я жду, – один из них (врачей), невысокий человек с живыми глазами и торчащими усами (И. Годяев), приглашает меня войти. (...) Врач успокаивает меня: «Было очень трудно. Он потерял много крови. Если бы вы привезли его на несколько минут позже, он бы умер. Но теперь – всё в порядке...»

«...Игорёк, Вера, Вадим, Толя и Лёня хорошо поработали. Отныне они будут служить тебе верой и правдой, как в ту страшную ночь».

Действительно, врачи из Склифосовского будут постоянно помогать В.В., вначале «вытаскивая» из самых глубоких «уходов в пике» – погружений в «этиловое безумие», – а потом, когда водку заменили наркотики, всё стало гораздо сложнее.

Постепенно Игорь Годяев становится «своим человеком» в доме Высоцкого, и не только потому, что участвует во всех «спасениях», но и потому, что Игорь – знаток и коллекционер песен В.В. Вспоминает Станислав Щербаков: «У Игоря было около тридцати часов записей Высоцкого. И кое-что он писал напрямую, на концертах».

В.Коган, фельдшер реанимобиля в Институте Склифосовского: «У Игоря было очень много кассет Высоцкого, в том числе и рабочих, где Володя пробует какие-то варианты...» (*Я слушал одну такую кассету, ту, которая хранится у Вадима Туманова. Высоцкий начинает работу над песней «Ты – дока, но и я не прост». Эту строчку В.В. повторяет на разные мелодии и ритмы – более десяти раз. – В.П.*)

Артур Макаров подарил мне одну из кассет Игоря Годяева, на которой записаны разговор Высоцкого с неизвестным и оригинальные фрагменты нескольких концертов В.В., запись на портативном магнитофоне. В конце 1990-х годов я передал кассету в фонды музея Высоцкого.

К сожалению, вышеупомянутые записи постигла печальная участь. Вдова Годяева сказала мне: «Я мало что могу сообщить вам... У него была своя жизнь. А на кассетах Высоцкого дочь записала свои рок-ансамбли...»

К счастью, сохранились другие записи Владимира Высоцкого. Анатолий Бальчев, музыкант, композитор, автор музыки к стихотворению Высоцкого «Попытка самоубийства», вспоминает: «Игорь Годяев прилично владел гитарой, причем настолько, что аккомпанировал Володе на некоторых записях. Например, у Бабека». (*После смерти Высоцкого его друг Бабек Серуш выпустил двойной альбом, так называемый «Белый альбом», на котором В.В. аккомпанировал среди других музыкантов Годяев. – В.П.*)

Теперь о судьбе плёнок, на которых ночные разговоры Вадима Туманова с Высоцким. Вадим Туманов: «Вначале Слава Говорухин включал, потом сам Володя... Их было пять или шесть». На кассетах рассказы Туманова о сталинских лагерях – потрясающие человеческие

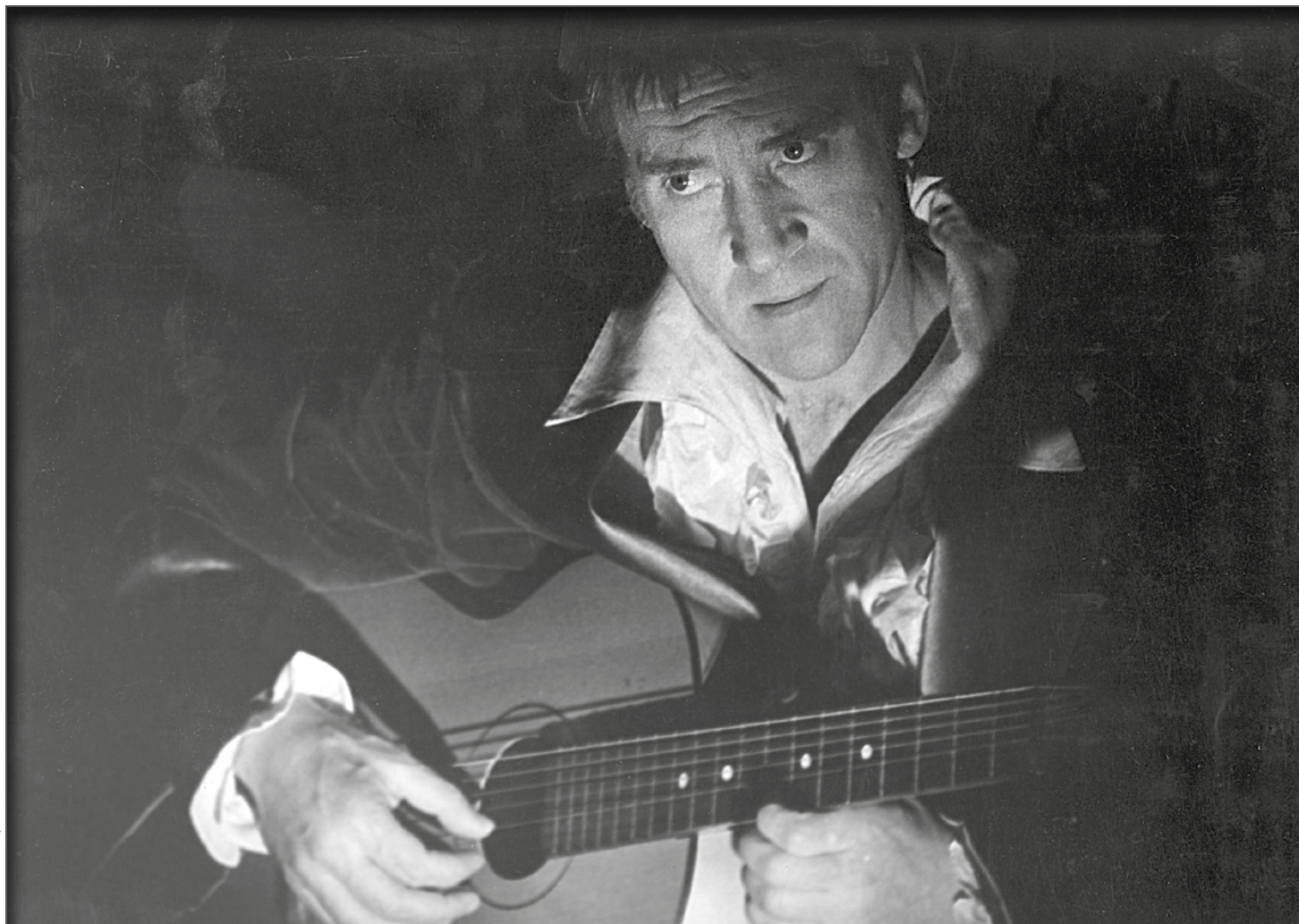
► документы... На основе этих рассказов Высоцкий хотел написать сценарий о судьбе Туманова и снять фильм по этому сценарию. После смерти Высоцкого эти плёнки исчезают из квартиры на Малой Грузинской.

И только спустя несколько лет выяснилось, что сам Высоцкий незадолго до смерти передал эти кассеты Годяеву. Валерий Янклович: «За три дня до последнего «Гамлета» (то есть 15 июля 1980 г. – В.П.) Володя привёз Игорю эти плёнки, причём отдал их не ему, а жене. Володя попросил, чтобы эти кассеты пока побыли у них. Наверное, потому, что их дом находился в отдалённом районе. Эти записи в то время могли как-то скомпрометировать Вадима Туманова». В конце концов три кассеты были возвращены Туманову, а две кассеты – по одним сведениям – увезла в Париж Марина Влади, по другим – они просто исчезли...

Последние недели и дни жизни Высоцкого... Игорь Годяев часто бывает на Малой Грузинской – помогает, как и чем может. В конце июня – начале июля В.В. собирается в тайгу к Туманову (это одна из последних попыток избавиться от наркотиков), и намеревается лететь вместе с Годяевым. Значит, ему полностью доверяют и на него надеются...

18 июля – последний «Гамлет». Высоцкому плохо. Идет Олимпиада, все каналы перекрыты, наркотиков нет. Валерий Янклович вызывает «скорую». Приезжает Годяев. Но даже «скорой помощи» не выдают наркотики, и Игорь – прямо за кулисами – делает укол витаминов, чтобы как-то поддержать В.В. В это время за кулисами находился кинорежиссер

ВИКТОР БАЖЕНОВ/PHOTOXPRESS

Свидригайлов стал последней ролью гения. В одном из эпизодов в руках героя Достоевского оказывалась гитара

АЛЕКСЕЙ ПАНОВ/«РИА НОВОСТИ»

К этой неслыханной славе так или иначе стремятся прикоснуться все.
22 июля 2003 года, Театр на Таганке

Петр Солдатенков. Он видел, как В.В. выскочил со сцены. Высоцкий задрал свитер, и Годяев всадил ему укол прямо под лопатку.

25 июля 1980 года. С этой трагической даты начинается посмертная судьба Владимира Семеновича Высоцкого... «Игорь сыграл большую роль именно в посмертном периоде, особенно сразу после смерти. Ведь главным было – скрыть про наркотики. Если бы власти узнали про наркотики, то это во многом могло решить всю посмертную судьбу. А-а, Высоцкий – наркоман?! Зачем хоронить его на Ваганьковском? Зачем потом его издавать?! Времена-то были ещё те. Игорь Годяев с Федотовым поехали в поликлинику и «сделали» справку о смерти. Это очень важно. Потом Годяев едет в ОВИР и меняет загранпаспорт на общегражданский...» (Валерий Янклович).

28 июля. Ночь перед похоронами. Вспоминает Марина Влади: «Твой врач Игорёк спрашивает меня, может ли он положить тебе в руки ладанку. Я отказываюсь, зная, что ты не веришь в Бога. Видя его отчаяние, я беру её у него из рук и прячу тебе под свитер...»

После похорон, «когда начались дела с рукописями, с памятником, Игорь проделывал громадную повседневную черно-

вую работу: сводил людей, перевозил материалы...» (Валерий Янклович).

Годяев принимает участие в пересъемке рукописей, вместе с Артуром Макаровым занимается проблемой долгов В.В., разбирает архив... Вероятно, именно тогда к нему попали фотографии, о которых упоминает Нина Максимовна Высоцкая.

Через четыре года после смерти Высоцкого Игорь Годяев покончил жизнь самоубийством. Его добровольный уход из жизни (самоубийство есть дуэль с самим собой?) поразил практически всех, кто его знал... «Такой сильный человек... Он же занимался в школе каратэ у Штурмина, показывал нам приёмы... И вдруг – самоубийство» (Илья Порошин, сын Валерия Янкловича).

Почему? Вернёмся к самой первой версии: «Было такое настроение – давили на Игорю: якобы он виноват в смерти Володи». Но это мнение Анатолия Федотова, врача-реаниматолога, который был в квартире на Малой Грузинской в ночь смерти Высоцкого, мнение абсолютно необоснованное, скорее, его самого и с гораздо большими основаниями винули в этом.

Станислав Щербаков: «Годяев трижды травился... Ему нужно было поугу-

От Достоевского до Достоевского

Владимир Высоцкий родился 25 января 1938 года в 9 ч. 40 мин. в московском роддоме на 3-й Мещанской улице, 61/2.

В 1955 году закончил московскую среднюю школу №186 и поступил на механический факультет Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева, из которого ушел после первого семестра ради актерской карьеры.

В 1960 году закончил актерское отделение Школы-студии им. В. И. Немировича-Данченко при МХАТ им. А.П.Чехова. В дипломном спектакле по «Преступлению и наказанию» играл Порфирия Петровича. Первую песню, «Татуировка», написал в 1961 году.

С 1964 года до конца жизни – актер Театра на Таганке, где сыграл Гамлета, Галилея, Маяковского, Хлопушу и много других ролей. За свою жизнь написал более 600 песен, более 100 стихотворений. Мечтал о поэтическом сборнике, о том, чтобы увидеть стихи напечатанными, однако при жизни было опубликовано лишь одно стихотворение. Как ни странно, при всей своей всесоюзной славе, он это очень переживал. Утешал себя, говоря: «Я в каждом доме в скрученном виде», имея в виду магнитофонные записи.

Актерская жизнь закончилась тем же, чем и началась, – «Преступлением и наказанием»: последней театральной работой Высоцкого стал Свидригайлов в постановке Юрия Любимова.

одну девушку, которая его отвергла...» Версию о несчастной любви поддерживают многие. Но обстоятельства смерти Годяева говорят о другом.

Ксения Ярмольник: «И жена, и дочь были в квартире... Он заперся в ванной, выпил какое-то лекарство. Наполнил ванну водой, лег туда... Остановилось сердце». Анатолий Федотов: «Кто-то был дома: жена или дочь... Игорь лег в теплую ванну и сделал себе укол... В общем, профессионально ушел из жизни...»

Хотел поугуять одну девушку, которая его отвергла, а нанес сильнейшую эмоциональную травму самым близким людям? Когда мы имеем дело с самоубийством, всегда вступаем в область догадок и предположений...

В любом случае Игорь Годяев искренне любил Высоцкого, много делал для него. Именно поэтому он и останется в нашей памяти...

Друг и учитель

Почему Высоцкий не был на похоронах своего старшего друга и «учителя по жизни» – Левона Суреновича Кочаряна? В день его смерти (14 сентября 1970 года) В.В. был в Москве, в Театре на Таганке – спектакль или репетиция. Золотухин из дома разговаривает с ним по телефону. Друзья по Большому Каретному знают, что и в день похорон, 16 сентября, он в Москве. Но на похороны не пришёл, более того, ни разу не навещил Лёву Кочаряна в больнице...

Но вначале о легендарном Кочаряне. Пётр Солдатенков: «Он был человеком незаурядных возможностей и колоссальной воли. Он умел всё: чинить вещи и ломать препятствия, готовить изысканные кушанья и есть фужеры из стекла, ловить страшных бандитов

и с особенно страшными дружить, вести учёные беседы и драться головой, быть нежным и внимательным к друзьям и беспощадно жестким с врагами».

...Кочарян (после окончания юрфака МГУ) поработал в МУРе, окончил Высшие операторские курсы и всё же ушёл в кинематограф, вскоре стал на «Мосфильме» незаменимым вторым режиссёром – «первым среди вторых».

Юлиан Семёнов: «Левон был душой Москвы тех лет. Его знали и любили люди разных возрастов и профессий: грузчики, писатели, кондукторы трамваев, жокеи, актёры, профессора, лётчики: он обладал великолепным даром влюблять в себя сразу и навсегда».

Левон Кочарян был организатором и душой знаменитой компании на Большом Каретном, которая так много значила в жизни Владимира Высоцкого.

«Высоцкий на Большом Каретном» – эта тема, естественно, требует отдельного разговора, а сейчас приведём слова В.В., которые он говорил на одном из концертов об ушедших друзьях: «И ещё нет хозяина этой квартиры, Лёвы Кочаряна... Он успел снять только одну картину как режиссёр – «Один шанс из тысячи»... Он его поймал и быстро умер. Он успел немного. Он жил жарко, вспыхнул и погас мгновенно».

Кочарян заболел (раком кожи?) в конце 1968 года или в начале 1969-го. Несколько раз и подолгу лежал в больнице, друзья, конечно, навещали его.

Михаил Туманишвили: «Когда он попал в больницу, мы не просто приходили и навещали – мы его похищали... То домой, то в шашлычную... А Лёва всё спрашивал: «А где Володя?» А Володя в больницу так и не пришёл. Лёва жутко переживал это...»

Юрий Гладков: «Однажды мы приехали к нему с Андреем Тарковским. Лёва лежал зелёный: он принимал тогда какую-то химию, и цвет лица у него был желто-зелёный... Мы были настроены очень решительно: расцеловали, растормошили его. И Лёва немного приободрился. А потом, в последние дни, он уже и видеть никого не хотел...»

Эдмонд Кеосаян: «Кочарян болеет месяц, два, три – Володя не приходит. Однажды Лёва мне говорит: «Знаешь, Володя приходил. Принёс новые стихи – потрясающие!» И начал мне про эти стихи рассказывать. А Володя ведь не был в больнице, просто кто-то принёс эти стихи, а Лёва сказал, что Володя приходил. А в конце громадный Лёва весил, наверное, килограммов сорок. И вот однажды он мне говорит:

– Хочу в ВТО! Хочу и всё!

Поехали, сели за столик, заказали. Смотрю, проходят знакомые люди и не узнают его. Лёву это поразило:

– Слушай, Кес, люди меня не узнают. Неужели я так изменился?!

Левон Суренович Кочарян умер 14 сентября 1970 года. Похороны... Гражданская панихида на «Мосфильме»...

Петр Солдатенков: «Миша Ястреб (легендарный московский вор, в пере-
рывах между «отсидками» часто бывал на Большом Каретном. – В.П.) пережил Лёву. В сентябре 1970-го, когда хоронили Кочаряна, он пытался прорваться на панихиду, размахивая на проходной справкой об очередном освобождении, а его не пускали. Вышел Юлиан Семенов и провёл его по своему красному удостоверению к гробу».

Поминки на Большом Каретном. Большая квартира не вместила всех, кто пришёл помануть Левона Кочаряна, люди стояли на лестничной площадке, даже на лестнице. Высоцкого не было...

Эдмонд Кеосаян: «Лёва умер. Володя на похороны не пришёл. Друзья собирались в день рождения и в день смерти Лёвы. Повторяю, я – человек восточный и очень ценю эти жесты. Володя в эти дни не приходил на Большой Каретный, и я долго не мог ему это простить. И избегал встречи с Володей, даже когда бывал на спектаклях в Театре на Таганке».

Анатолий Утевский: «Друзья очень обиделись. Я с Володей некоторое время вообще не общался, вообще не разговаривал. Я не мог простить, что он не пришёл проводить самого близкого друга. Мы знали, что он тогда был в Москве. Не знаю, чем это объяснить... А может быть, и не нужно это объяснять?»

Почему же Владимир Высоцкий не пришёл на похороны Лёвы Кочаряна? Существуют три версии...

Нина Максимовна Высоцкая: «Володя видеть не мог похороны, поэтому и не пошёл:

– Мам, не могу... Лёва лежит в больнице...»

Евгения Степановна Высоцкая: «Я помню, почему Володя не пошёл на похороны Кочаряна. В тот день он был в очень плохой форме...»

Михаил Туманишвили: «Лёва очень переживал, когда Артур Макаров и Андрей Тарковский предложили ему другого режиссёра на фильм (на досъёмки. – В.П.) «Один шанс из тысячи». Ему, я думаю, нужна была поддержка. А Володя всё не приходил и не приходил в больницу. Я думаю, поэтому он и не пришёл на похороны. В этом, как мы считали, был элемент предательства».

А сам Высоцкий? Мнение Петра Солдатенкова, автора биографии В.В.: «Владимир Семенович не раз пытался объяснить недоумевающим друзьям и вдове, потерянной от горя, причины, по которым он не был на похоронах Левона Суреновича Кочаряна. Увы, надрыв превратился в трещину, края которой расходились до самой смерти Высоцкого».

Но это общие, хотя и верные слова. На самом деле объяснений с вдовой Инной Александровной Кочарян не было: «Я ведь Володю не впустила, когда он пришел после смерти Лёвы. И звонил он – я бросила трубку».

И только один разговор с непрости-
шим – Эдмондом Кеосаяном: «...Мы столкнулись с ним в коридоре «Мосфильма». Володя спрашивает:

– Кес, в чём дело? Скажи мне, в чём дело?

– Сломалось, Володя... Я не могу простить, что ты не пришёл на похороны Лёвы. Я не могу...

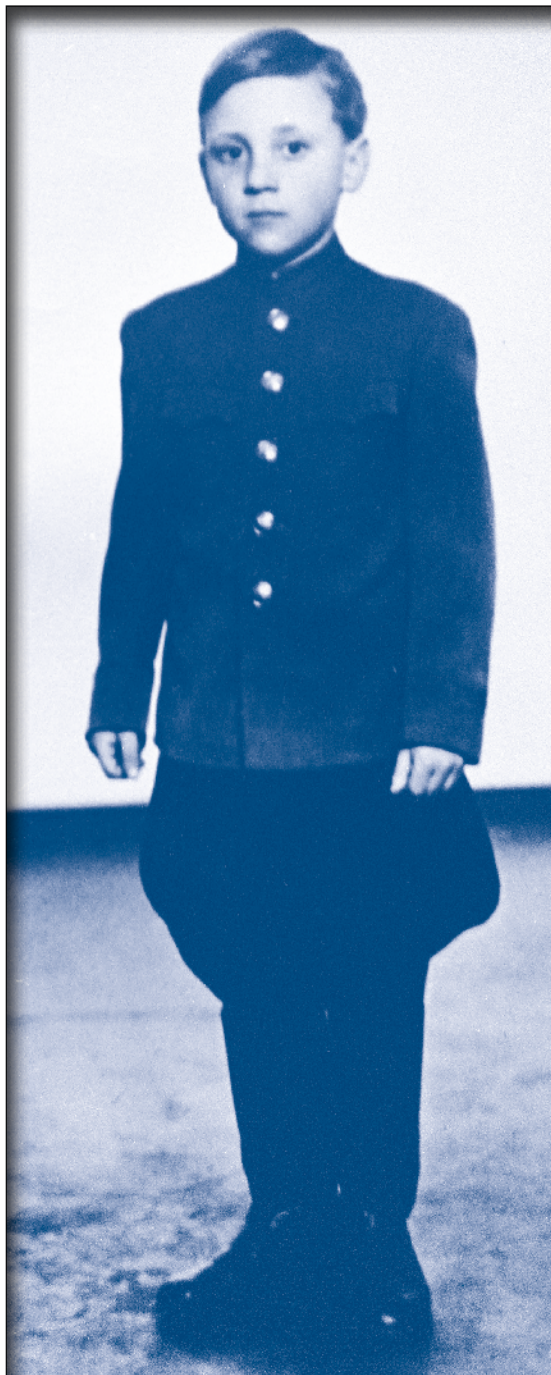
– Ты знаешь, Кес... Я не смог прийти. Я не смог видеть Лёву больного, непохожего. Лёва – и сорок килограмм весу... Я не смог!

Вы знаете, Володя был очень искренним, и все слова были его собственными».

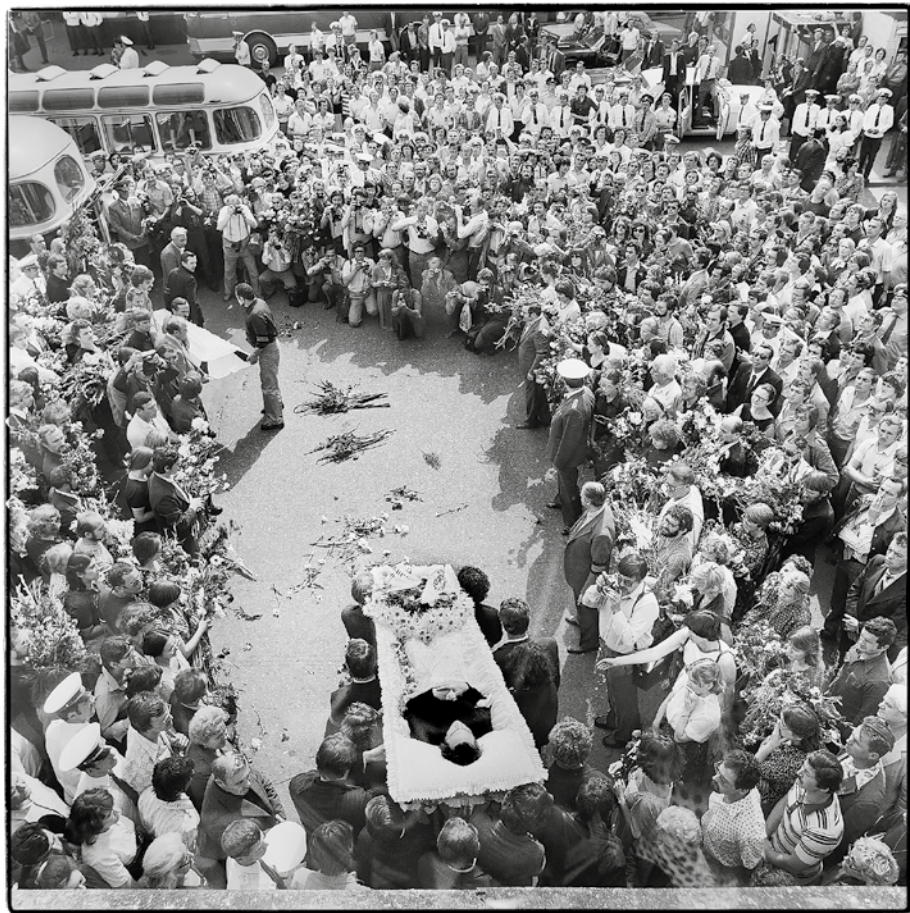
Так что раскаяние и чувство вины у В.В. было, не могло не быть. По свидетельству Валерия Янкловича, они вместе с Высоцким ехали мимо больницы, в которой умер Кочарян: «И вдруг Володя расплакался...»

Валерий Нисанов: «Однажды Володя зашёл ко мне домой, это было в конце мая 1980 года. А у меня на стене висят фотографии, на одной из них я снят вместе с Лёвой Кочаряном. Володя остановился перед этой фотографией и долго-долго стоял и смотрел. Я не знаю, что когда-то между ними произошло, но у Володи вдруг началась истерика, самая настоящая, со слезами...»

А закончим мудрыми словами Инны Александровны Кочарян, которая, конечно же, простила: «Понимаете, целая жизнь прошла. Многих уже нет на этом свете. Кто мог знать, что Лёва умрёт в сорок лет, а Володя не станет в сорок два? Первое время ребята собирались два раза в год, в день рождения Лёвы и в день его смерти. А теперь всё реже и реже. Я понимаю, у всех давно другая жизнь».

Владимир Высоцкий. Школьные годы

ВАЛЕРИЙ ПЛОТНИКОВ

Смерть поэта

Официально о смерти Владимира Высоцкого было сообщено крохотной заметкой в черной рамке в газете «Вечерняя Москва», гласившей, что умер артист Театра на Таганке, заслуженный артист РСФСР такой-то. Но и эту «информашку» руководству Театра на Таганке удалось пробить с большим трудом. Власти вообще хотели замолчать смерть кумира миллионов. Смешные люди: Москва узнала печальную новость без всяких заметок утром 25 июля 1980 года (умер Высоцкий ночью), и люди стали приходить к культовому театральному подъезду Таганки с цветами. Цветы молча клали прямо на тротуар, и скоро он весь оказался устлан ими, как ковром. Такой традиции Москва прежде не знала, она образовалась именно в эти дни. Поверх цветов лежали машинописные странички с текстами стихов Высоцкого и стихов, посвященных ему, его фотографии. Люди приходили, уходили, но на протяжении всех трех суток до похорон безлюдно или даже малоллюдно здесь не было ни минуты. В дневное время приходившие держали открытые зонтики над цветами на мостовой, как над детьми, чтобы уберечь их от нещадно палившего в те дни солнца.

Его хоронили 28 июля. Шли Олимпийские игры, город был на режимном положении – закрыт для приезжих. Вряд ли кто-нибудь мог себе представить, что в этих условиях, включавших в себя еще и адскую жару, похороны Высоцкого соберут такое количество людей. Люди стали стекаться к театру с ночи, а утром очередь желающих проститься уже спускалась к реке, змеилась по набережной и, по свидетельству очевидцев, доходила до Кремля. Людьюми были заполнены все окрестные крыши. Власти были в шоке, к Таганке стянули все наличные милицейские силы, в том числе конную милицию. Но до поры все было чинно. Люди на площади стояли в абсолютной, благоговейной тишине.

Сам Владимир лежал в гробу на сцене театра – такой, каким мы не видели его никогда. Кажется, впервые в жизни его прекрасные волосы были зачесаны назад, открыв взглядам высоченный лоб мудреца и пророка. Он выглядел почти стариком, на лице лежала печать страдания, словно он умер насильственной смертью.

Когда гроб вынесли из дверей театра, толпа, запрудившая к тому времени всю Таганскую площадь вместе с проезжей частью – это было настоящее людское море, – пришла в движение. Люди поняли, что проститься не дадут, церемония закончена, но не роптали. Все огромное пространство вдруг заполнилось песнями Высоцкого: у сотен пришедших были с собой портативные магнитофоны, допотопные «Яузы» и уже потихоньку наводнявшие Москву «Шарпы» и «Айвы» стояли на подоконниках распахнутых настежь окон окрестных домов. Где-то возникла неразбериха: испуганные мощной звуковой волной лошади прынули на толпу, кто-то подумал, что это не случайно, что отдана команда теснить людей, раздались крики: «Фашисты!» Одни принялись фотографировать возникший хаос, а милиционеры по приказу начальства – вырывать у людей фотоаппараты.

Но это продолжалось недолго и было скорее эпизодом. Гроб погрузили в автобус, венки – на грузовики, процессия тронулась, и толпа, мгновенно приведя себя в порядок, расступилась, чтобы дать ей дорогу. По мере ее проезда по образовавшемуся среди плотной людской массы коридору люди осыпали ее цветами, которые принесли, но не сумели положить к гробу. Последняя дорога Высоцкого стала настоящей, не метафорической «дорогой цветов».

Теплилась еще надежда, что процессия поедет на Ваганьково по набережной, чтобы вся бесконечная очередь пришедших попрощаться смогла бы это сделать, пусть при помощи взмаха руки. Но кто бы разрешил везти Высоцкого мимо Кремля? Процессия взяла курс на туннель Садового кольца...

Таких похорон в России больше не было и не будет. То есть, конечно, что касается стечения народа, то люди постарше вспоминали похороны Сталина. Но разница здесь не просто очевидна, а символична. В одном случае хоронили тирана, и одни шли поглазеть, а другие – удостовериться, не веря, что этот идол смертен. А 25 июля 1980 года хоронили Спартака, предводителя несостоявшегося еще в ту пору восстания рабов. И рабы, которые во многом уже были не рабы – именно благодаря ему, Высоцкому, – шли его отблагодарить.

Леонид ВЕЛЕХОВ

■ Дмитрий ЩЕГЛОВ

Публикация 2003 года

«Пресвятая дева, он, кажется, умирает!» – с этими словами Анатолий Кторов появился на сцене 94 года назад. Произнес он их сильно заикаясь. Кроме того, юный актер имел скверную привычку пятиться на сцене. Профнепригодность была очевидной.

– Почему вы все время двигаетесь задом? – удивлялись педагоги.

А он и сам не понимал, почему в темпераментных сценах все студии напирало на партнера, он, наоборот, в ужасе отступает от них. И заикание, без того заметное, усиливается...

Его не раз собирались отчислить из студии Федора Комиссаржевского, в которую и взяли-то только из-за катастрофической нехватки мужчин (шла Первая мировая). Впрочем, тут же давали последний шанс. На втором курсе таким шансом для него стали роли князя Мышкина и Арнольда в пьесе Гауптмана «Микаэль Крамер». Как все прошло, как он играл, Кторов не помнил. Зато отлично помнил, как к нему, совершенно опустошенному, кинулся Илларион Певцов – великий трагический артист, преподававший в студии:

– Видишь, я же обещал им, что ты не будешь заикаться!

Как Кторов это преодолел – он и сам не мог сказать. Он вообще не был «говорящим» артистом. «Я принадлежу к тем, кто не умеет и не любит говорить о себе, – виновато объяснял он на склоне лет. – Причина не в скромности, а в чем-то другом: надо хорошо знать предмет, о котором говоришь. Вот этого-то, как мне кажется, я не знаю, и знать не могу...»

Закончив учебу в студии, он очень быстро стал лидером в театре Комиссаржевского. Сухощавый, среднего роста, с орлиным носом и холодноватыми глазами – с такими данными «денди» после октября 1917-го он был обречен на роли негодяев и отщепенцев, неблагонадежных и чуждых. Он и переиграл их великое множество. Изящный повеса, обольстительный мерзавец.

«Какая жалость! Из такой хорошей семьи – и на сцену», – комментировали знакомые.

А семья была старокупеческой. Кторов-помнил, как по утрам подавали пролетку – на простых шинах 15 копеек, на «дутиках» 25 – и его дед отправлялся в свою лавку на Никольскую улицу. Отец его, инженер, увлекался музыкой, несколько ранних песен Вертинского родились при его участии. Когда родители сняли квартиру возле Чистых прудов, Анатолия определили в частную гимназию Страхова. Из ранних театральных впечатлений самое мощное – Л. Леонидов в «Братьях Карамазовых». Отсюда и первые мечты о театре, с которыми долгое время конкурировала другая страсть.

В 1911 году отец взял Анатолия с собой на футбол. С тех пор игра эта стала для него наваждением. Кстати, Кторов сам играл очень неплохо и даже до весьма почтенного возраста выступал за команду МХАТа.

Пролетарскую революцию Кторов, занятый поисками заработка, ухитрился не заметить. Летом 1918-го он играет в

Чужак

«Милый лжец». Кторов – лучший Шоу в Москве. Вверху слева: «Денди», обреченный на роли негодяев.

крохотном театрике Фореггера на Малой Никитской, 21. Чтобы не навлечь гнев Комиссаржевского, его бывшие ученики берут псевдонимы. Тогда-то Анатолий Петрович Кторов и укоротил свою фамилию до мужественного, суховатого «Кторов».

В голодном 1920-м он уезжает с Показательным театром в свою первую гастрольную поездку на юг России. Во время гастролей театр распался. Без работы и денег Кторов вернулся в Москву. Войдя в квартиру, по лицу матери понял, что случилось несчастье. Погиб его младший брат Александр. Сорвался под колеса с подножки переполненного трамвая.

«Тогда и кончилась моя юность, – вспоминал Анатолий Петрович позднее, – и артистическая, и человеческая».

Он недолго оставался без работы. Бесчисленные театрики того времени зачастую брали в труппу чуть ли не любителей. Кторову посчастливилось попасть к Коршу – в то время одному из сильнейших театров по именам. Здесь он познакомился с Верой Николаевной Поповой – вскоре она станет примой у Корша, сыграет Ларису в «Бесприданнице», Глафиру в «Волках и овцах», Гильду в «Строителе Сольнес».

Вера Николаевна была старше его на девять лет. Свою золотую свадьбу они более чем скромно справят в середине 1970-х.

В 1922 году актерская судьба странного артиста с внешностью героя и данными комика едва не завершилась: в очередной раз оставшись без работы, он поступил на факультет общественных наук. Вяло слушал лекции, в тоске приходил домой и сразу валялся на диван, полагая себя законченным неудачником.

Когда спустя год его вновь позвали к Коршу, он накинулся на работу с жадностью и нетерпением. Играл все, что давали. А давали хоть и много, но «не то»... Драматических партий не доверяли – хлыщ, повеса, жуир. «У Кторова светлые личности выходят хуже, чем темные», – припечатала его в одной из рецензий Вера Инбер. А потом стало сказываться влияние его ролей в кино. В 1924-м он впервые появился на съемочной площадке у Протазанова. В фильме «Его призыв» сыграл злобного бандита-фабриканта, одержимого манией вредительства. Годом позже – как это ни банально прозвучит – проснулся знаменитым после «Закройщика из Торжка», где впервые выступил в дуэте со своим другом – Игорем Ильин-

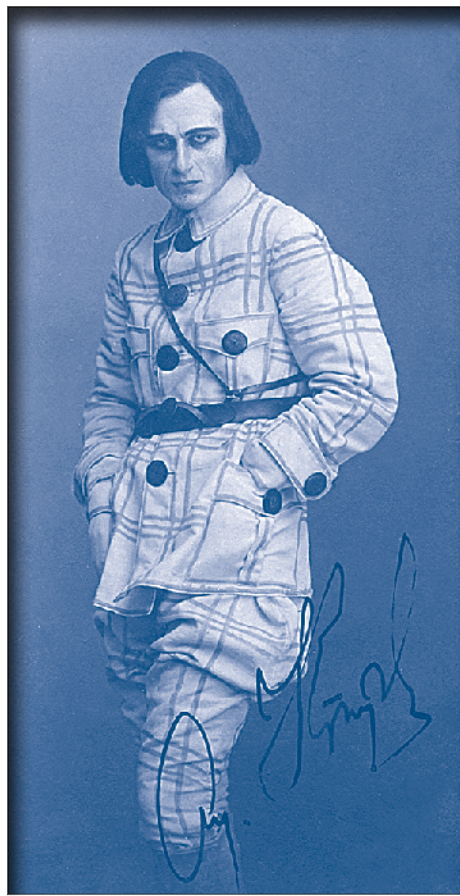
ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЕГЕНДАРНЫЙ АНАТОЛИЙ КТОРОВ ДЕРЖАЛ ЭКЗАМЕН НА МХАТОВЦА, НО ТАК И НЕ СТАЛ «СВОИМ»

ским. Очередной «киномерзавец» – Каскарилья в «Трех миллионах» – прочно и на этот раз всеоюзно утвердил за Кторовым звание «фрачного героя». Теперь анонсы картин начинались со слов «Кторов в фильме...». Характерный орлиный профиль на огромных рекламных щитах в центре Москвы, появилось даже выражение «улыбаться, как Кторов».

Фрак, кстати, он научился носить не сразу. Однажды увидел фильм с Конрадом Вейдом в роли очередного изящного повесы. Вейд непринужденно стоял возле колонны со скучающим видом. На нем был фрак, и Кторов открыл для себя тайну: как нужно носить фрак? А никак. Как любую другую одежду. Первый свой фрак Кторов шил у лучшего по тем временам портного Яна Чейки, чья мастерская располагалась в Леонтьевском переулке.

Уже тогда по первым ролям в театре и кино стало ясно, что Кторов способен играть две вещи, несовместимые с самим пониманием «игра»: ум и красоту. Вне сцены он был отнюдь не красавцем, не любил и не умел блистать в компаниях остроумием. Его желчный юмор отпугивал тех, кто считал его душой общества. Он оскорблялся, когда его сравнивали с Иваном Мозжухиным или с Максимовым. Каким бы странным или смешным это ни показалось сейчас, он вполне легковесно относился к своей популярности и мечтал о серьезных ролях и полноценной режиссуре.

– Люблю успех не меньше других, но не хочу и боюсь дешевого успеха, – говорил он не раз. – Аплодисменты по ходу сцены не терплю. Это неуважение к моему труду. Они мешают мне, оскорбительны для меня. Это удел балета.

«Лулу». Театр Комиссаржевского, 1918 год.

Пожалуй, лишь один Протазанов отнесся к его дарованию с проницательностью. Он пригласил его в свою «Бесприданницу». Кторов был уверен, что на роль Карандышева, которого он уже играл у Корша.

– Карандышевых я найду сколько угодно, а вот где мне найти Паратова, кроме вас, – неожиданно ответил режиссер.

Это была их последняя совместная работа. После смерти Протазанова Кторов почти на тридцать лет ушел из кино.

В 1932 году единственный на тот момент частный театр – театр Корша – стал филиалом МХАТа. Лучшая часть труппы влилась в новый состав. Но неизвестно еще, как бы сложилась судьба Кторова, если б не его жена – признанная всей Москвой театральная премьерша. Станиславский с Немировичем «киношников» не жаловали. Корифеи МХАТа в кино снимались по самым большим праздникам.

Кторов обожал МХАТ и боялся. Всю жизнь – по собственному признанию – держал экзамен на мхатовца, но так и не стал «своим». Его приняли более чем настороженно – киногерой, красавчик, муж Поповой.

Свою первую роль в спектакле «У жизни в лапах» он благополучно провалил. На долгие годы за ним укрепилось звание дублера первого положения. Играл в основном вслед за Качаловым, Москвиным, Вербицким, Прудкиным.

В июне 1941-го театр гастролировал в Минске. Утром 22-го город уже бомбили. Командование смогло выделить для Художественного театра лишь одну легковую машину для дирекции и одну грузовую – для женщин. Директор театра Иван Москвин отказался расстаться со своими актерами. Уехали только женщины. Мужчинам предстояло выбираться как повезет. Народные артисты Кедров, Ершов, Масальский, Топорков, Кторов и другие смешались с толпами беженцев. Передвигались на попутках, пешком, пока не добрались до Можайска, где им удалось попасть в идущий до Москвы товарняк. В ноябре 1942-го МХАТ эвакуировали в Саратов, там и состоялась премьера «Русских людей» Симонова, пьесы, ставшей вскоре обязательной для всех театров страны. Кторов получил в ней роль фашистского генерала Розенберга. Это был почти приговор. Отныне не только положительные, но и хоть сколько-нибудь значимые роли были для него закрыты.

В театральной жизни того времени Анатолий Кторов – явление уникальное. В том, что он выжил и состоялся, есть какое-то магическое исключение. Советская власть, дама капризная, больше всего не любила, когда ее не замечали. А Кторов жил так, как если бы этой дамы не было вообще. Отношения – не более чем соседские. Поклон, легкий кивок – и довольно. Дама платила той же монетой.

Характерно, что единственную свою Сталинскую премию он получил за... трех-минутный эпизод в пьесе Льва Толстого «Плоды просвещения». Кторов играл барона Клингена под прямо-таки неприличные овации зала. Мимолетный, проходной персонаж стал неотделим от плоти спектакля до такой степени, что Кторова не могли не включить в число лауреатов.

– Сыграл эту роль, и стали звонить со студий. Предлагать роли в оперетте, – вспоминал он.

Его главным недостатком как актера всегда оставалась скромность, чрезмерная для публичного человека. Он не хотел и не умел добиваться ролей. Все знали, как он мечтал о роли Тузенбаха, лорда Горинга, Сирано... Вместо Сирано ему дали Кристиана. Годы шли, и хотя Алла Тарасова играла Машу в «Трех сестрах», перешагнув полувековой рубеж, Кторову говорили: «Анатолий Петрович, в ваши-то годы – и Тузенбаха, побойтесь Бога!»

Бога Кторов боялся и не жаловался, удовлетворившись ролью профессора Серебрякова, которую с блеском играл двадцать пять лет в разных редакциях. О своем пребывании во МХАТе он говорил с горечью: тридцать лет на положении чужака, всегда на подхвате. Что ж, он был готов принять даже это, грустно роная время от времени: «Актер – продукт скоропортящийся».

«Война и мир». Старый князь Болконский (А.Кторов) и княжна Марья (А.Шуранова). 1965 год

К счастью, он не был одинок – Вера Николаевна хорошо понимала его состояние. Она и сама, сыграв немало ролей, по-настоящему так и не прижилась в Художественном. Когда становилось особенно грустно, они отправлялись на дачу в Снегири – вместе со своими собаками, которых у Анатолия Петровича всегда было множество.

«Животные мне многое дали в жизни, – записывал он. – Через их психологию понял какие-то вещи в искусстве. Главная тема животных – глубочайшая внутренняя убежденность при самых скромных средствах выражения».

Так бы и остался Кторов скорее в истории немого кино, нежели театра, если б не 1960 год, когда руководство МХАТа объявило о сокращении своей безразмерной труппы. Начали, как всегда, с тех, кого не считали «своими». Вера Николаевна Попова оказалась в их числе. Узнав об этом, Кторов подал заявление об уходе. Скандала руководство не хотело, но он неминуемо назревал. Забегали, начали уговаривать, просить, обещать. Кторов твердо стоял на своем. Он мог простить едва ли не любое отношение к себе, но оскорбление самого дорогого

человека было для него невыносимым. Дирекция сулила ему новые роли, сама Вера Николаевна, мягкая, безропотная, давно простившая обиду, умоляла его остаться, хотя бы ради нее. Кторов твердо сказал: «Ухожу».

Случилось так, что в это время его знакомый режиссер Иосиф Раевский начал работу над пьесой Куилти «Милый лжец». Пьеса эта уже репетировалась в Театре Моссовета, где в центральных ролях были заняты Орлова и Плятт. Там она стояла в плане. А во МХАТе никто не знал, что начались репетиции со Степановой и Кторовым. Не было вывешено расписание, спектакль рождался вне мхатовского графика. Репетировали в гримерках, дома, где придется.

К счастью для театра, актер в Кторове победил оскорбленного человека. Материал увлек его целиком.

– Такая роль выпадает один раз в жизни, – говорил он. – Через нее я могу наконец высказать свое мироощущение, свои мысли и отношение к жизни.

Потом спектакль вышел. Успех был беспрецедентный и оглушительный. Кторов проснулся знаменитым – заново. Наверное, в истории театра не было случая,

чтобы актера «открывали» в возрасте 64 лет. Огромный, мощный актер-интеллектуал родился из пожилого, сходящего со сцены мхатовского старожилы.

«Милый лжец» шел больше четырехсот раз. Когда МХАТ поехал в Англию, организаторы гастролей возмутились – почему не показывают «Милого лжеца», все ведь знали, что лучший Шоу в Москве – Кторов. И тогда этот спектакль решили показать английским актерам без декораций, в своих костюмах. Принимали на ура.

В 1965 году вышел фильм Сергея Бондарчука «Война и мир». Никому не в обиду: роль старого князя была чем-то очень отдельным в этой картине. Болконский Кторова покорила всех, его актерская победа слишком очевидна. Сейчас страшно представить, что роли этой могло и не быть. Бондарчук пригласил Кторова, уверенный, что только он сможет сыграть старого князя. Попробовали – неудачно. До этого никаких кинопроб у Анатолия Петровича в жизни не было. Посмотрев отснятый материал, он от роли наотрез отказался. Сказал, что из кино ушел тридцать лет назад и возвращение невозможно. Бондарчук продолжал уговаривать, и в какой-то момент Кторов сдался. Позднее он уприсил режиссера включить в сценарий сцену смерти князя. Она стала знаменитой.

«Он не первый. Он, к сожалению, единственный», – сказал один классик о другом.

И вдруг оказалось, что Анатолий Петрович Кторов – единственный, кому доступно исполнение того, что, за неимением других определений, назову аристократизмом духа. Спекулятивность этого термина полностью снимается, когда видишь Кторова в его главных ролях.

А в жизни этот аристократизм сказывался еще и в том, что никто и никогда не слышал от него жалоб и сплетен, всего того, что неизбежно сопровождает театральное бытие.

– Как жизнь, Анатолий? – спрашивал его Игорь Ильинский по телефону.

– Неплохо... Пока, – неизменно отвечал Кторов.

Кторовская манера держаться – это отдельная тема. В каком-нибудь скромненьком старом свитере он выглядел князем. При появлении дамы всегда вставал, не садился, пока та не сядет. Это почему-то всех поражало. Всегда в великолепной форме – стройный, подтянутый.

Будучи еще вполне крепким, он оформил дарственную на свою дачу племяннице Веры Николаевны, надеясь, что та будет помогать ей. Увы, внимания этого не было. В последние годы Вера Николаевна была уже очень плоха, почти ничего не видела. Вечерами Кторов водил ее под руку гулять по переулку. А днем бегал в простом пальтишке с авоськой по магазинам. Это было очень грустно и больно видеть. Жили они в старенькой квартире, давно требовавшей ремонта.

«30 сентября 1980 года с Ильинским сделалось плохо: прихватило сердце. И сильно, чего никогда не было, – вспоминает Татьяна Александровна Еремеева, вдова Игоря Владимировича. – А вечером я узнала, что Кторов умер...»

На сороковой день мы были на Немецком кладбище. Вера Николаевна рассказывала нам, как это случилось. Они с Анатолием Петровичем отдыхали на даче в Снегирях. Вернулся он очень слабым, и его положили в больницу на обследование. Он был очень подавлен, просил взять его домой в субботу. Но лечащие врачи уже ушли, и Вера Николаевна сказала, что возьмет его в понедельник. «А в понедельник я умру, Верочка», – неожиданно сказал Кторов. Она приняла это как шутку, но все же добилась, чтоб Анатолия Петровича выписали. Он был счастлив.казалось, страшный день миновал. Во вторник он сидел у телевизора. Потом прилег отдохнуть. И не проснулся».

Вера Николаевна пережила мужа на два года. Могила их на Немецком долгое время была в полном запустении. Железный колышек, табличка, пара увядших гвоздик...

К счастью, Анатолий Петрович не был одинок... С Верой Николаевной Поповой

Королева из рижского предместья

**ВИЯ АРТМАНЕ – ЗВЕЗДА ЭПОХИ, СИМВОЛ ЛАТВИИ,
КОТОРЫЙ ОЧЕНЬ ХОТЕЛИ ВЫЧЕРКНУТЬ ИЗ ИСТОРИИ
И НАВСЕГДА ЗАБЫТЬ**

ЛЕОНИД ВЕЛЕХОВ

■ Леонид ВЕЛЕХОВ

Публикация 2006 года

Она не заметила, как мы вошли в открытую калитку, и продолжала стоять у окна, спиной к нам, освещенная яркими, негорячими лучами майского балтийского солнца. В этом контражуре её седая голова с гладко зачесанными волосами, по-королевски посаженная на красивые, по-прежнему, покатые плечи, до неразличимости была похожа на ту самую молодую головку роковой мельничихи из «Никто не хотел умирать»... И даже когда она обернулась и тяжелой походкой, опираясь на палку, пошла нам навстречу, этот эффект не исчез. Потому что знаменитые сияющие глаза Вии Артмане притягивали к себе, властно отвлекая внимание от избородивших лицо морщин и прочих примет безжалостного прошедшего времени.

Много есть в Латвии красивых женщин, но вторая такая, уверен, пока что не родилась.

И актрисы второй такой, уверяю вас, нет.

Страдания молодого В.

И я сразу вспомнил, как двадцать с лишним лет назад... Нет, какие там двадцать с лишним – все тридцать: дело было прекрасным теплым сентябрем 1977 года, и ей было тогда примерно столько же лет, сколько сейчас мне, а мне-то и вовсе двадцать. Так вот, тем сентябрем я ходил, как приговоренный, на гастрольные спектакли рижского Художественного театра имени Яниса Райниса. Они тогда поразили театральную Москву, которую в те золотые для театра годы трудно было чем-нибудь удивить. Театр имени Райниса, конечно, до тех гастролей был известен как солидный «ведущий театральный коллектив Латвийской ССР», но не более того. В моде были другие театры, почти исключительно московские, и снобистская столица в этот избранный круг пускала не больше одного-двух «провинциалов»: Товстоногова с его БДТ, ну и разве что еще Роберта Стурва с тбилисским Театром имени Руставели. Но латыши, приехав с фантастически разнообразным по яркости и смелости форм и содержания репертуаром, сломали тогда многие предрассудки, явив театр действительно мирового уровня, с феноменально талантливым режиссёром Арнольдом Лининым и целым театральным небосклоном звезд: Вией, Харийсом Лиепиньшем, Юрисом Стренгой, Эдвардом Павулсом, Иваром Калныньшем, Карлисом Аушкапом...

Я до сих пор помню все эти спектакли в деталях: пронизанное, как лучами солнца, музыкаль Паулса весёлое фольклорное «Краткое наставление в любви»; мрачно-пророческие горьковские «Варвары»; экспрессивный, жесткий, просто-таки обличительный, особенно по тем временам, спектакль о разувверившейся в идеалах молодежи – «Последний

барьер»; трагическую «Чайку». До этого Чехова вообще никто не играл в таком ключе (потом-то это стало модой). И, наконец, шедевр шедевров, ибсеновский «Бранд» – пьеса, которую до этого десятилетиями в современном театре не ставили из-за её сложности и непонятности. Каждый вечер, как какой-то полупомешанный гофмановский студент, я шёл на Театральную площадь, где в помещении Детского театра гастролировали латыши, чтобы в тот раз посмотреть один и тот же спектакль.

А если это были спектакли с участием Вии, на немалую часть студенческой стипендии я ещё закупал у бабушек на Киевском вокзале роз: как повод под финальные аплодисменты подняться на сцену и, что-то там лопоча (конечно, в громе оваций ей, слава богу, неслышное), вручить букет. И даже, набравшись наглости, пощечаячи ткнуть губами в царственную руку. С тех самых пор эти сияющие глаза, которые в те моменты я видел совсем близко, у меня в памяти.

Каким, наверное, я тогда выглядел дураком и мальчишкой, влюбившимся в звезду эпохи! Ну и пусть. Мне ни тогда не было за это стыдно, ни сейчас. Скучна жизнь того, кто никогда не давал свободу «глупым» романтическим порывам из одной только боязни показаться слишком искренним и наивным. Скучна, потому что ему вспомнить потом нечего.

Её собственным актёрским шедевром на тех гастролях была, конечно, Надежда Монахова в «Варварах». Как она играла эту русскую Эмму Бовари, какая это была драма не оценённой красоты и яркой, самобытной натуры, погибающей в пыльном захолустье, но очень по-русски не желающей (это уже в отличие от флоровской героини) идти на компромиссы, на дешёвые аферы и уж тем более – продавать себя. Я тогда впервые, наверное, понял величие и глубину горьковской драматургии. Спектакль игрался, естественно, на латышском, перевод на русский шёл в наушники. Но, убей бог, мне до сих пор слышится, словно она по-русски, со своим неповторимым акцентом отвергает ухаживания оценившего её незаурядность, но уже, увы, стареющего, отцветающего инженера Цыганова, которого с изумительной утончённостью играл муж Вии Артмане по жизни,

Артур Димитерс. Как она ему говорила в ответ на картины богатой и красивой столичной жизни, которые Цыганов рисовал перед ней, пытаясь заманить в свои силки, – с какой-то легкой, обидной снисходительностью и одновременно великодушным сочувствием, на которое способна полноценная, жаждущая любви женщина по отношению к обнаружившему слабость мужчине:

– Силу в лавочке не купишь...

Конец эпохи

И вот прошло тридцать лет. Та эпоха, конец 1970-х, как теперь уже очевидно, была кульминационной и лучшей в её актёрской жизни и биографии всего Художественного театра в целом. Как это бывает в театральной истории, за триумфы, какими были московские гастролы, потом приходится расплачиваться: наступает время ревности, зависти, интриг, дележа наград и взаимного подсиживания. И, как следствие, упадка. Наверное, в этом есть своя логика: достигнув пика, куда идти дальше? Только вниз остаётся спускаться.

Занятно, что именно после московских гастролей Вия снялась в ставшем знаменитом телефильме «Театр» по Сомерсету Моэму. Он как раз был об этом, о прекрасном и отвратительном одновременно мире театра, о его кумирах, которыми лучше восхититься издалека и не прикасаться, потому что, по выражению Балзака, на пальцах останется вся позолота. И я не думаю, что сама Вия была в этом смысле каким-то ангельским исключением. Когда – уже в этом нашем разговоре – я спросил её об учителях в искусстве, она на мгновение задумалась и сказала медленно, даже медленнее, чем она обычно говорит, с особой отяжкой, как бы взвешивая каждое слово:

– Я очень плохой человек. У меня никогда не было идола. У меня не было отца, он умер, когда мне было несколько месяцев. Девочки, растущие без отца, всегда бывают очень замкнутыми. И я была именно такой. Поэтому мне очень трудно было войти в театральный мир и приспособиться к нему. И поэтому же я никогда не испытывала восхищения ни перед кем из коллег. У меня были кумиры, но из числа тех актёров, с кем я

никогда не работала и даже не была знакома. Это Жан Габен и Мишель Морган. Он меня поражал своей правдивостью, а она – хрупкостью и женственностью...

– Как же? – решил всё-таки «доспросить» я. – А Смильгис? (Это был основатель Художественного театра, который заметил совсем юную Вию, сделал с ней впервые прославившую её Джульетту.)

– Да-а, – так же задумчиво и медлительно протянула Вия. – Смильгис был моим покровителем в театре. Но его правая рука и гражданская жена, Фелицита Эртнер, меня ненавидела и пыталась все «мои» роли отдать «своим» актрисам. Это была постоянная борьба. По-настоящему обязанной я считаю себя только своим зрителям...

Так что Вия – тоже человек непростой: в театре простых людей не бывает. Однако подлостей она не делала никогда – это я точно знаю. Была в стороне от любых театральных интриг. И когда в те годы, в начале 1980-х, стали поедом есть уникального режиссёра Арнольда Лининых, который создал Художественный театр в его современном виде, она в этом не участвовала. Но знаете, кто «съел» Лининых, без которого этот театр остался даже не оркестром без дирижера, а автомобилем без водителя? Любимый ученик, которому он давал лучшие роли и даже ставил за него спектакли, подписывая афиши его фамилией. Вот это – Театр.

(Арнольда Лининых я встретил в Риге уже в конце 1990-х – точнее, осенью 1997-го. Нашёл его телефон, вызвонил. На встречу пришёл не то что даже сильно постаревший человек – это было бы неудивительно, прошло к тому моменту двадцать лет с нашей московской встречи. Он был совершенно сломлен, и в нем трудно было угадать великого властителя сценического пространства, умевшего вздыбливать и закручивать его вихрем, как он делал это в «Бранде», творившего чудеса с актёрами, владевшего абсолютно всеми театральными жанрами – от народной комедии до высокой трагедии. В конце того же года он умер. А я об этом узнал лишь несколько лет спустя.)

Время казино

После вытеснения Лининых из театра (это случилось в 1987-м) дела шли хуже и хуже. А исторический перелом конца 1980-х – начала 1990-х, который Прибалтики коснулся раньше всех прочих советских республик, при всей его благодетельности (для балтийских республик и вовсе несомненной) искусству ничего хорошего не дал. Это старый и известный парадокс: настоящее искусство всегда энергично участвует в борьбе за свободу и демократию, но по достижении победы первым оказывается не у дел. Из «второго университета», из «заместителя» запрещенной коммунистами церкви (и храма в самом широком смысле слова, каковым театр был в подцензурном тоталитарном Советском Союзе) серьёзный театр на наших глазах превратился в удел маргиналов и чудаков.

Алида – Вия – Елисавета

Вия Артмане (настоящее её имя – Алида) родилась 21 августа 1929 года на хуторе под Тукумсе, в Латвии, в крестьянской семье. В этой женщине, олицетворявшей собой в советское время Латвию, латышской крови не было вовсе: её мать была полькой, а отец немцем. Отец погиб, когда Алида-Вия еще не появилась на свет, мать батрачила и делала все возможное, чтобы участь дочери была другой, чем её собственная. И добилась этого: дочь стала актрисой, закончив студию самого знаменитого в Латвии Художественного академического театра им. Я. Райниса. Им руководил замечательный режиссер Эдуардас Смильгис – человек, которого называли латышским Станиславским. Он и дал

Артмане сценическое имя Вия, у него она сыграла первые прославившие её роли: Джульетту, Офелию, Элен Безухову.

На весь Советский Союз Вию Артмане прославил кино – такие ленты, как «Никто не хотел умирать», «Эдгар и Кристина», «Театр» и другие. Она стала «лицом» советской Латвии, кандидатом в члены ЦК компартии, но никогда не замарала свое имя ни одним неблагоприятным поступком. А свое положение использовала, чтобы помогать другим.

После десоветизации Латвии жила трудно. Скончалась 11 октября 2008 года. Незадолго до смерти приняла православие, получив в крещении имя Елисавета.

А несерьёзный – и вовсе в пасынка шоу-бизнеса и масскульта.

Скажу, может быть, крамольную вещь: для искусства благодетель асфальтовый каток тоталитаризма и цензуры. Он всякий раз закатывает «почву» творчества новым слоем асфальта, но уж ростки, которые всеми правдами и неправдами пробиваются сквозь этот асфальт, – действительно сильные и жизнеспособные. В отсутствие давления на него и ответной необходимости сопротивляться, выражать сложным, поэтическим языком «запретные» чаяния художника и общества театр и не знает, чем ему заняться. Абстрактным самосовершенствованием? Развивать голосовые и пластические данные? Для этого есть опера и балет, у драматического театра иные задачи.

Вернее, разнovidность давления на театр в послесоветской Латвии себя обнаружила, но она не имела никакого отношения к тем сложным, от Пушкина идущим взаимоотношениям художника и власти, о которых я говорю. Просто, воспользовавшись политической конъюнктурой, бездари, у которых не было шанса пробиться в предыдущую эпоху (прежде всего потому, что они бездари), стали сводить счеты с мастерами, сделавшими себе имя в советское время. Били «коллаборантов» только так: выкорчевывали вместе с целым театром, как это сделали с режиссёром Адольфом Шапиро, просто закрыв чрезвычайно популярный рижский ТЮЗ, которым он руководил. Не нужен оказался русский театр для молодежи – в городе, где русских больше половины и где до сих пор, прошу прощения у латышей, латышский язык на улице слышен куда реже, чем русский.

Народную артистку СССР, лауреата, депутата, делегата и пр. и пр. Виоу Артмане чаша сия, конечно, не могла миновать. Она была художественным символом Советской Латвии: не было в советское время латвийской актрисы, более популярной в Союзе, чем она. И не могло быть, потому что такого уровня актрис во всем Союзе вообще можно было пересчитать по пальцам на одной руке. Но «перлюстраторы» обьясняли ее успех и славу другим – «сотрудничеством с Советской властью».

Уже сегодня, хотя от тех событий нас отделяет ещё совсем немного времени, это звучит нелепо и архаично. С какой властью может сотрудничать или не сотрудничать актер? Только что разве с той конкретной, которая возглавляет театр, где он работает. Самое нелепое, что новые латышские демократы

Вия Артмане с Донатасом Банионисом в фильме «Никто не хотел умирать»

в своей борьбе с «последствиями» советской власти были очень похожи на саму эту власть, когда она после войны выискивала и наказывала тех, кто «сотрудничал» с немцами. В том числе артистов.

Тем не менее Виоу торжественно свергли со всех её должностных высот, единственно важной из которых для неё самой был пост председателя Союза театральных деятелей Латвии.

Ну и что? Где он теперь, тот Союз театральных деятелей? Наверное, там же, где и Союз писателей Латвии. Последний тоже успешно «освободили» – сперва от «коллаборантов», а потом и от знаменитого особняка на улице Бривибас, у которого сыскался доверенный владетель. Тот, оттягав особняк у писателей, быстро его запродавал, и теперь там хорошая гостиница с казино. А где писатели? Там же, наверное, где театральные деятели: нигде. Что-то ни о каких свершениях в латвийской литературе, равно как и в театральном искусстве, я за последние пятнадцать лет ничего не слыхивал.

Долгая зима

В общем, наступил самый трудный период в её жизни. Точнее, он наступил чуть раньше, в 1986-м, когда умер её муж, замечательный актер, уже мной упоминавшийся, Артур Димитерс. Он был старше её на полтора десятка лет, они прожили вместе непростую, насколько я знаю, но яркую и большую

жизнь длиной почти в три десятилетия. Символично, конечно, что уход Димитерса стал прологом к самой трудной полосе в жизни актрисы.

Вместе с тем, что значит – самой трудной? А когда было легко? Это только со стороны, и то в виде кратких биографических данных в энциклопедии, всё выглядит так счастливо: звания, премии и главные роли. А в реальности эта красивая жизнь всегда была нелегкой. И ещё вдобавок оказалась причудливо закольцована похожими одно на другое испытаниями. Мать, оставшись вдовой, когда Вия едва появилась на свет, батрачила, скиталась с хутора на хутор. Если бы не хозяйка, однажды увидевшая, как маленькая Вия тайком танцует под звуки радио в пустой барской комнате, и отдавшая ее в балетную студию, кто знает, как сложилась бы судьба. А в зените жизни и сама Вия осталась без крова, когда в начале 1990-х дом, в котором она жила, вернули прежнему, «досоветскому» хозяину, и он принялся выкуривать жильцов, поднимая до небес квартплату и отключая воду, электричество и отопление. Выкурил. Но в ту пору, когда вступил в силу закон о реституции – возвращении незаконно отобранной советской властью собственности прежним хозяевам, – таких конфликтов было множество, и их жертвами пали сотни людей, не одна Вия, поэтому она не любит об этом рассказывать. А жаловаться и вовсе не считает возможным, тем более что на улице она всё-таки не осталась: выручила вот эта семейная

дача в местечке Муриани в сорока километрах от Риги – деревянный одноэтажный столетний домик.

Вместе с тем говорит: «Людам легче жить, когда они узнают, что я живу так же трудно, как они».

Наш разговор течёт очень причудливо, он совершенно не похож ни на какое интервью. Она говорит сначала медленно, с большими паузами, будто вспоминая русский язык. Впрочем, действительно, вряд ли так уж часто ей приходится сегодня говорить по-русски, учитывая, что основные собеседники, помимо часто навещающих её дочери Кристины и внуки Берты, – щенок Джани, абсолютно бестолковый в силу молодости, и флегматичный кот Франтишек. Оба черны, как ночь, словно по контрасту с хозяйкой – классической, как зритель помнит, белокурой бестией. Или – чтобы без бестии обойтись – вагнеровской валькирией, пусть и немного постаревшей. И, если идти этим образным рядом, то кот и пес напоминают заколдованных нибелунгами арапат. Пёс не отстаёт от неё ни на шаг, а кот независимо лежит на деревянном сундуке 1824 года изготовления – кажется, единственной антикварной ценности, которая есть в этом доме. Сундук «играл», как рассказывает хозяйка, в давнем фильме «Землемеры», где она снималась, а после фактического развала некогда знаменитой Рижской киностудии был выброшен на улицу, подобран и привезён сюда.

Постепенно её русский язык полностью налаживается, пауз становится меньше, речь с её особенным, чуть деревянным балтийским акцентом течёт всё более плавно. Вия, как музыкальный инструмент, словно настраивается по ходу нашего разговора – и в смысле звучания голоса, и в смысле русского языка, и в смысле самого содержания беседы. Разговор начинается с обычной ерунды, вроде погоды, переходит на здоровье и врачей, из рук которых, как я только теперь понимаю, она вырвалась на два дня ради этой встречи, а завтра уже вновь вернется в больницу. А потом уже рулит на какие-то более глубокие темы:

– Я ушла из театра раньше, чем мне хотелось бы, из-за двух инсультов. Особенно от второго я долго приходила в себя: не было речи, не было движения. Но я постепенно приспособилась и теперь уже чувствую, что выжила. Это оказалось не так страшно, как рассказывали. Я карабкалась – и выкарабкалась. На самом деле человек всю жизнь так: карабакается, чтобы выбраться, – и выкарабакивается...

Затем мы выходим в сад, где все обустроено ее руками, она бродит среди цветов, наклоняясь к ним, чтобы что-то поправить, и рассказывая, как о людях:

– Эти розы называются «Разбитое сердце». Я думала, они вымерзнут, такая долгая и холодная была зима, а вот, смотрите, выжили...

Когда я начинаю её фотографировать, она как будто даже не обращает на это внимания, не охорашивается и не поправляет ни единой детали в одежде. И уж тем более не принимает никаких поз. Но что-то в ней неуловимо меняется: я даже не могу понять, что именно. (Только потом, просматривая фотографии, я вижу результат этой перемены: ни одного снимка, повторяющего предыдущие: все разные – в почти неуловимых оттенках мимики и выражения глаз. Но это лишь результат, а как он достигается, мне остается совершенно непонятным.)

Словно прочитав мои мысли или, видимо, просто подметив то же самое одновременно со мной, – Кристина, её дочь, говорит:

– Мамина гримерша ей как-то сказала: «Вия, когда вы видите камеру, вы преобразаетесь, как кобра при виде добычи...»

Что ж, все правильно. Актерство – это ведь не профессия. Это особый способ жить. Поэтому актеров на пенсии не бывает.

Актриса с режиссером Айной Матисой в своей гримуборной. 1984 год

«Митрополит»

Ю.ЮЗОВСКИЙ – ТАК ПОДПИСЫВАЛ СВОИ СТАТЬИ ИОСИФ ИЛЬИЧ ЮЗОВСКИЙ – БЫЛ САМЫМ БЛИСТАТЕЛЬНЫМ КРИТИЧЕСКИМ ПЕРОМ ДО- И ПОСЛЕВОЕННОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ МОСКВЫ. ЗА ЧТО И ПОПЛАТИЛСЯ В 1949 ГОДУ

■ Борис ПОЮРОВСКИЙ

Публикация 2005 года

Сейчас в это трудно поверить: на рубеже 1940–1950-х годов желающих поступить на театроведческий факультет совсем не было. И не то чтобы интерес к театру упал – в актёры и режиссёры конкурс оставался огромный. Но мощная кампания по борьбе с «безродными космополитами», «беспачпортными бродягами», «иванами, родства не помнящими», «пигмеями, путающимися под ногами у подлинных патриотов» (именно так именовались в советских газетах тех лет лучшие критики страны – И. Юзовский, Г. Бояджиев, Л. Малюгин и другие), надолго отбила у молодёжи охоту заниматься опасной профессией исследователя театра.

Кто сказал «ату»?

Существует несколько версий того, кто, как и почему дал старт постыдной кампании. Единственное, точно известно, что всё началось с редакционной статьи в «Правде» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» от 28 января 1949 года, с которой и пошёл разгром «космополитов».

Одни винят во всём Сталина с его зоологическим антисемитизмом. Другие – лично Фадеева, руководившего тогда Союзом писателей СССР, не сумевшего «своевременно обеспечить подъём отечественной драматургии» после известного постановления ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров» 1946 года и решившего свалить всю вину на критиков. Третьи утверждают, что главными закоперщиками этой вакханалии были Анатолий Софронов, Анатолий Суров, Аркадий Первенцев, Вадим Кожевников, Михаил Бубеннов – высокопоставленные и бездарные литераторы, закономерно видевшие в ярких, независимых критических перьях своих личных смертных врагов. А уже им, закоперщикам, вторили, руководствуясь инстинктом самосохранения, люди талантливые – Константин Симонов, Николай Погодин, Юрий Завадский, Константин Зубов, Борис Чирков... Некоторые из них позже, правда, публично каялись, другие так и ушли из жизни без покаяния.

Один из «космополитов», критик, журналист, драматург, педагог, человек редкостных достоинств Леонид Антонович Малюгин, рассказывал мне, что толчком к этой кампании послужило письмо сотрудницы «Известий» Бегичевой «дорогому товарищу И.В. Сталину», в котором она сообщала вождю народов о преступном «заговоре» театральных критиков, свившем опасное гнездо под крышей Всесоюзного театрального общества. Подобные «сигналы» в Стране Советов не оставляли без внимания ещё со времён Павлика Морозова...

Иосиф Ильич Юзовский, стоявший первым в правдинском списке «критиков-антипатриотов», считал, что это он сам нечаянно вызвал огонь на себя и своих коллег. Посмотрев во МХАТе «Зелёную улицу» А. Сурова, он позвонил наутро директору театра Месхетели и без обиняков выразил своё крайне негативное отношение к спектаклю и пьесе. Месхетели, видимо, внял доводам критика, с которым в своё время считались Станис-

1962 год. Иосиф Ильич Юзовский раздаёт автографы после творческого вечера в Центральном доме актёра. В очереди к мэтру терпеливо выжидают – справа налево – актёры Василий Топорков и Борис Ливанов, певец Иван Козловский и режиссёр Юрий Завадский...

лавский и Немирович-Данченко, и довёл их до сведения актёров и постановщика, Михаила Николаевича Кедрова. Было решено спектакль доработать, а ближайшие премьерные спектакли отменить.

Однако, на беду Юзовского, «Зелёную улицу» захотел посмотреть ничего не подозревавший о внутритеатральных событиях Сталин. Можно вообразить гнев и возмущение вождя, когда ему доложили, что спектакль временно снят по той причине, что не понравился какому-то критику...

Доходят ли до Харькова центральные газеты?

В то время когда разворачивались грозные события, я как раз решил посвятить свою жизнь театру, а точнее, театральной критике.

Впрочем, то, что жизнь моя будет связана с театром, я понял, когда мне было пять лет, ещё до войны, в Харькове, где я родился и рос. Сначала я, конечно, хотел стать актёром. Началась война, папа ушёл на фронт, мама с двумя детьми и бабушкой эвакуировалась в Ташкент.

В Ташкенте я пошёл в 1-й класс и почти сразу же записался в детский музыкальный самодеятельный коллектив, где дебютировал в партии Волка в опере «Красная Шапочка». Спектакль имел большой успех и даже шёл на сцене узбекского Театра имени Алишера Навои. На наше представление продавались «настоящие» билеты, изготовленные из газетной бумаги; весь сбор поступал в фонд помощи детям-сиротам нашей же школы. Билеты распространяли мы сами. От соседей я узнал, что рядом с нами живёт знаменитый московский актёр Солломон Михоэлс, который, безусловно, поддерживает такую акцию. Действительно, Михоэлс купил не два, а десять билетов, когда узнал, на что собираются деньги. И тут же заинтересовался, буду ли я сам принимать участие в представлении.

– Спой мне что-нибудь, – попросил актёр.

И я а капелла исполнил выходную арию Волка без малейшего смущения. Михоэлс, видимо, не хотел меня огорчать и сказал примиряюще: «В жизни так много интересных профессий. Я думаю, если ты будешь успешно учиться, из тебя может получиться хороший доктор, инженер, педагог. А в артисты должны идти лишь те, кто не может жить без театра. При условии, что и театр не сможет без них обойтись. Надеюсь, ты меня понял?» И многозначительно мне подмигнул.

Михоэлс зародил во мне сомнения относительно моей пригодности к актёрскому делу. Но на любовь к театру это не повлияло. Поэтому, когда пришла пора выбирать профессию, сомнений у меня не было: она должна быть связана с театром.

Однако если не актёром, то кем быть? Режиссура никогда не привлекала меня, оставалось театроведение. Но я выбирал профессию как раз в тот момент, когда гремела борьба с «безродными космополитами» и желающих поступить на театроведческий факультет, чтобы в будущем пополнить их ряды, находилось немного.

Студенческие годы я вспоминаю с удовольствием. Единственное, что серьёзно беспокоило: у нас не было настоящего педагога по основному предмету – семинару по театральной критике. Семинар заменили на лекции по римскому праву, по трудовому законодательству, по технике безопасности и бухгалтерскому учёту, чтобы мы, если понадобится, смогли отличить дебет от кредита...

Большинство моих товарищей по курсу таким коррективам учебной программы даже обрадовались. Я же действительно хотел стать критиком, читал и собирал всё, связанное с будущей профессией: не только книги о театре, но и газетные вырезки со статьями и рецензиями. Те, кого в 1949 году называли «безродными космополитами», были моими кумирами, в первую очередь Юзовский. Я отлично понимал, что обвинения в их адрес – гнусная ложь, клевета, абсурд,

ни на чём, кроме невежества и желания отомстить этим ни в чём не повинным честным, талантливым людям, не основанная. Разумеется, заявить об этом во всеуслышание я не смел. Но и думать так мне никто запретить не мог. Я решил во что бы то ни стало добиться поездки в Москву и обязательно попасть к Юзовскому! В этом деле мне помогли два замечательных человека.

Один из них – Иван Александрович Марьяненко, председатель Харьковского отделения Украинского театрального общества. Это был корифей украинской сцены, партнёр Заньковецкой и Саксаганского, к тому же смелый человек, не убоившийся в 1933 году публично поддержать обречённого на заклятие великого режиссёра Леся Курбаса, реформатора украинской сцены. Марьяненко без колебаний подписал письмо председателю президиума ВТО А.А. Яблочникову с просьбой в порядке исключения организовать для меня практику по критике.

Аналогичное ходатайство, адресованное в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР, подписал и ректор института Д.И. Власюк. Мало того, бухгалтерия выдала мне суточные, деньги для оплаты общежития и на проезд в плацкартном вагоне в оба конца!

Дело оставалось за малым: секция театральных критиков ВТО как основной «рассадник безродных космополитов» раз и навсегда была безжалостно разгромлена в незабываемом 1949 году. Об этом мне и сообщил принявший меня в Москве ответственный сотрудник Всесоюзного театрального общества Юлий Германович Шуб. Он деликатно поинтересовался, доходят ли до провинции центральные газеты.

«Гражданин Юзовский, на выход!»

Но не для того я преодолел нелёгкий путь на боковой верхней полке в холодном вагоне, чтобы вот так ни с чем вернуться домой. На Пушкинской площади,

ЮЗОВСКИЙ

рядом с редакцией газеты «Известия», находился кинотеатр «Центральный». Справа от него я заметил киоск «Мосгорсправки», где за 2 копейки запросто выдавался адрес любого москвича. За дополнительные 2 копейки мне любезно объяснили, как добраться до Лаврушинского переулка, дом 17/19, где в квартире № 32 проживал Юзовский.

На двери квартиры № 32 была прикреплена небольшая металлическая пластинка. На ней значилось: «И.П. Уткин». Ну и что, возможно, в квартире проживает несколько семей; неясно лишь, почему в таком случае указана всего одна фамилия? И сколько раз надо звонить, чтобы вызвать Юзовского, а не его соседей?..

Пока эти мысли роились у меня в голове, я робко приложил палец к звонку. Дверь otvorил мужчина средних лет плотного телосложения в вылинявшей майке, длинных сатиновых трусах и стоптанных войлочных комнатных туфлях на босу ногу. От него сильно несло перегаром. Помутневшие глаза на красном, припухшем лице глядели поверх моей головы в какие-то неведомые дали...

– Вам, собственно, кого? – с икотой спросил он.

– Мне нужен Юзеф Ильич Юзовский.

– Гражданин! – привычным начальственным тоном выкрикнул незнакомец. – К вам пришли, на выход! – «не повернув головы кочан», сообщил он робко высушившемуся из дальней двери человеку небольшого роста в махровом халате.

– Ко мне? – с удивлением переспросил тот. – Кто вам нужен?..

Я извинился за неожиданное вторжение и сказал, что мне необходимо переговорить с товарищем Юзовским.

Воцарилась пауза, почти как в последнем акте комедии «Ревизор». Человек в трусах сделал нетвёрдый шаг в сторону и, не сводя с меня глаз, театральным жестом указал на человека в халате.

– Мне бы всё-таки хотелось узнать, кто вы и откуда, – почти взмолился не на шутку испуганный Юзовский.

– Я обязательно всё вам объясню, но не в прихожей же...

– Странное дело: незнакомый человек самовольно запросто является в чужой дом и требует аудиенции.

– Прошу не выражаться, – немедленноотреагировал на подозрительное слово «аудиенция» сосед в трусах.

– Оставьте здесь своё пальто, – наконец предложил Юзовский и пригласил проследовать за ним в открытую дверь. Открытой она оставалась не только в день нашей первой встречи...

Комната, в которую я попал, одновременно служила библиотекой, кабинетом, спальней, гостиной и столовой Юзовского. Во второй, восьмиметровой, жил любимый сын Миша. По отнюдь не поэтическому хаосу, царившему в обеих комнатах, складывалось впечатление, что их владельцы вступили в негласное соревнование, в котором трудно было кому-либо из них отдать пальму первенства. Да и чему удивляться, если учесть, что мама Миши именно в 1949 году ушла из семьи, оставив на попечение папы не только первоклассника, но и свою 92-летнюю мать Марию Васильевну. Старуха была человеком глубоко верующим и абсолютно необразованным и громко сокрушалась, как это вдруг «усе жиды вдруг стали митрополитами». Слово «космополит» ей было совсем не знакомо, старухе слышалось «митрополит».

Устроившись на краешке стула, я сбивчиво попытался объяснить, что приехал из Харькова специально, чтобы брать уроки театральной критики, и обязательно у Юзовского. Трудно передать ужас, который овладел в этот момент моим собеседником, словно я предложил ему

RU.WIKIPEDIA.ORG

БОРИЯ КАЧУМАН-«РИА НОВОСТИ»

ИЮЗОВ БЕРЛИНЕР-«РИА НОВОСТИ»

дерзкий теракт, направленный на свержение существующего строя.

– Какие уроки? Я не даю никаких уроков, – подчеркнуто громко, чтобы слышно было в прихожей, объявил Юзовский.

– Уроки театральной критики, я читал ваши статьи и книги и считаю вас самым лучшим критиком.

Час от часу не легче.

– А вы случайно не видели в газете «Правда» статью «Об одной антипатриотической группе критиков»?

– Видел, читал. Но я категорически с ней не согласен. Там всё вранье и бред!

Мой собеседник до того испугался, что уже готов был указать мне на дверь.

Однако я не унимался:

– Извините, но я забыл вам сказать, что прошу заниматься со мной не из милости, а за деньги.

– Повторяю, я не даю уроков. Я вообще никого ничему не учу, вы можете это понять?

ИЮЗОВ ХАЛИП-«РИА НОВОСТИ»

Замечательные театральные критики, ставшие, наряду с Юзовским, жертвами «борьбы с космополитизмом» – сверху вниз: Леонид Малюгин, Александр Борзакровский, Григорий Бояджиев.

Вверху: один из главных «борцов» с «космополитами», Константин Симонов

– Не могу. Вас же самого кто-то учил?

– Ещё как! – словно крик души неожиданно вырвался у моего собеседника. Можно лишь догадаться, какой смысл вложил он в эти слова, произнесённые с такой болью, что мне самому стало страшно...

– Много платить не смогу, – на всякий случай предупредил я, будто уже получил согласие.

Юзовский не знал, что и ответить.

– Не знаю, не знаю. Но вы так настаиваете...

– Настаиваю, настаиваю! В конце концов, если ничего не получится, никаких претензий к вам не будет.

– Что вы смотрели вчера в театре? – неожиданно спросил Иосиф Ильич. – Что вы можете сказать об увиденном по существу?

Я начал что-то лепетать. Чем больше говорил, тем мрачнее становилось лицо моего кумира. Ему было явно не по себе, он с трудом слушал мою болтовню и с нетерпением ожидал, когда же я наконец умолкну. Может быть, сказывалась общая усталость или давало о себе знать тяжёлое ранение в позвоночник, полученное на фронте «критиком-антипатриотом».

– Я вам ничего не обещаю. Посмотрите несколько спектаклей, напишите короткие отзывы, предварительно позвоните, – и протянул бумажку с номером телефона, – потом потолкуем...

Я попытался всучить ему конверт с приготовленным гонораром, но безуспешно.

Семь лет проклятия

Семь лет ходил я в этот дом, однако лишь на восьмой, когда главный инициатор борьбы с «космополитами» не только почил в бозе, но и был выдворен из Мавзолея, Юзовский признался, что все годы опасался меня, полагая, что я появился в его доме не случайно. Определённая логика в рассуждениях Юза, как звали его близкие друзья, безусловно, была.

В этой же квартире прежде жил поэт Иосиф Уткин. В 1944 году он погиб в авиакатастрофе, возвращаясь с Западного фронта в Москву. Его мать не пережила гибель сына. В большой квартире в центре Москвы оставалась родная сестра поэта. Через несколько дней после похорон матери сестру арестовали, а в освободившиеся комнаты вселился начальник отдела конфискации Замоскворецкого КГБ – тот самый, что открыл мне дверь. Наученный горьким опытом, всеми забытый, погибавший в нищете «жалкий пигмей», как назвал Юзовского Софронов, Юз каждую минуту ожидал любой провокации.

На протяжении этих семи лет я был свидетелем нескольких драматических

историй. Одним из последних верных друзей Юза оставался Михаил Фёдорович Астангов, выдающийся актёр театра и кино. Когда другие боялись не то что зайти, позвонить, пригласить в театр, но просто поздороваться при встрече на улице, знаменитый актёр почти демонстративно продолжал наносить визиты Юзу, обязательно прихватив с собой что-нибудь вкусное. Но однажды, как раз во время очередного визита Астангова, по радио прозвучало выступление писателя Льва Никулина, кстати, жившего в одном доме с Юзом. Автор многих исторических полотен, почитавший себя классиком отечественной словесности, на этот раз обрушил свой гнев на современников-космополитов и в конце призвал «не слишком с ними церемониться, а беспощадно и решительно вырывать сорную траву с корнем с поля вон!»

На покрасневшей лысине Михаила Фёдоровича проступили капли холодного пота. Он начал почти судорожно сжимать и разжимать пальцы рук, затем несколько раз поправил крахмальный ворот сорочки, явно стеснявший свободное дыхание, и слегка привстал.

– Тебе страшно? – спросил Юз.

– Немного, – честно признался Астангов.

– Хочешь уйти?

– Хочу, – почти выдавил из себя Михаил Фёдорович.

– Не смею задерживать, и спасибо за всё, что ты сделал для меня, для нас...

Спустя много лет невозможно забыть, чего стоило им это прощание. Казалось, они никогда не смогут оторваться друг от друга...

Другой случай. Юзовский имел прекрасную личную библиотеку, хотя и не был библиофилом. Здесь книги не хранились, но работали. Самые разные – по философии, истории, политике, литературе и искусству. Бесконечные монографии и мемуары, многие – с автографами.

Первые несколько месяцев после разразившейся бури по борьбе с «безродными космополитами», не подходя ни к одной кассе, кроме сберегательной, Юз как-то держался за счёт прежних накоплений и не терял надежду, что вскоре всё образуется, не может не образоваться! Но время шло, телефон упорно молчал, скромные запасы таяли.

И тогда Юз стал продавать книги, которые в ту пору, не в пример нынешней, ценились весьма высоко. У него был знаковый букинист-антиквар Илья Александрович, почти что друг дома. Когда-то при его посредничестве Юзовский добывал самые необходимые ему для работы книги. Теперь пришлось просить старого приятеля содействовать в реализации книг, чтобы Миша мог ежедневно есть кашу на молоке и с маслом. А иногда ему даже покупали яблоки, не говоря уже про Новый год, когда ребёнок утром приходил мешочек со сладостями.

Но книжные полки день ото дня заметно пустели. На них оставались собственные книги Юзовского, многотомное первое издание сочинений Ленина и шесть томов прижизненного издания всех пьес Мольера с дивными цветными гравюрами. Я был уверен, что уж этот-то раритет никогда не покинет дом хозяина при его жизни. Однако Миша серьёзно заболел, денег никаких не было, пришлось снова звать Илью Александровича. Не спеша, внимательно стал он рассматривать каждую страницу. Никаких особых эмоций не выражал, даже не заметил, что на титуле стоял номер 3, то есть это был третий экземпляр из общего тиража в десять экземпляров. Как будто подобные издания попадали к нему в руки ежедневно. Юз терпеливо ждал.

– Ну что я могу сказать? Вещь на любителя, к тому же на французском языке. Да, атлас, да, гравюры, состояние вполне удовлетворительное. Могу предложить триста рублей.

По тем временам это были приличные деньги. Собрание сочинений А.Н. Толстого в 15 томах, к примеру, стоило всего 30 рублей. Но ведь речь шла об антикварном шедевре! В первый момент Юзовский издал какой-то нечленораздельный звук, скорее похожий на вопль или стон. Но, слегка оправившись, сказал:

– Побойтесь Бога! Эти книги мне в виде премии в 1936 году преподнесла Амери-

► канская академия, истратив на них десять тысяч долларов! А вы предлагаете...

Илья Александрович резко встал, давая понять, что в данном случае торг неуместен:

— Всё верно, но почему вы не примете во внимание, чем я рискую, бывая в вашем доме? Ладно, могу прибавить ещё пятьдесят рублей как старому клиенту.

Оставив деньги на столе, Илья Александрович бережно упаковал книги и тихо удалился. Так я до сих пор и не знаю, благодарить ли его или Американскую академию, а может быть, самого Жан-Батиста Мольера за то, что Миша в конце концов поправился, стал известным режиссёром детского кино, сам уже получает пенсию и с радостью возится с внуками...

...Илья Эренбург имел обыкновение использовать свою собаку в качестве курьера. Вкладывая ей в пасть пакет с книгами, журналами или газетами, Илья Григорьевич выпускал её на лестницу, и она немедленно доставляла посылку Юзовскому. Какое-то время связь эта была нарушена, как вдруг в один прекрасный день послышались знакомые звуки под дверью. Юз пригласил посланца в комнату, думая о том, чем бы угостить дорогого гостя. Пакет оставлен на полу, он несколько меньше обычного. Собака ждёт благодарности и, получив конфету, торопится вернуться к хозяину. Только теперь Иосиф Ильич вспоминает, что визит этот не был, как раньше, предупреждён звонком Ильи Григорьевича.

Небольшой пакет несколько раз перевязан шпагатом. Может быть, это новая книга Эренбурга? Пакет раскрыт — в нём солидная сумма денег, без всякой приписки. Но как теперь выразить признательность, чтобы не навредить благодетелю?

...Шесть лет Юзовский не переступал порог театров. Первый раз мне удалось уговорить его пойти посмотреть на утреннике Михаила Козакова в роли Гамлета у Николая Охлопкова. По дороге домой в Лаврушинский переулок — мы шли пешком — Иосиф Ильич о спектакле не говорил. Но зато впервые рассказал, как случилось, что он перестал ходить в театр.

Вскоре после того, как произошёл разгром «космополитов», в Москву на гастроли приехал Киевский государственный академический украинский драматический театр имени Ивана Франко. Юзовский много слышал о Бучме и решил, что летом, в воскресный день, на утренний спектакль он получит контрамарку. Потому что денег у него не было не только на театральные билеты, но и на хлеб насущный в буквальном смысле слова.

Подходит Юзовский к окошечку администратора и просит пропуск.

— В кассе есть билеты, — отвечает человек с украинским акцентом.

— Но я — критик, — выдал из себя Юзовский.

— Это другой разговор. А документ есть?

И тут Юзовский легкомысленно протянул свой членский билет ВТО. Администратор, прочитав знакомую фамилию, крикнул:

— Для вас у нас ничего нет!

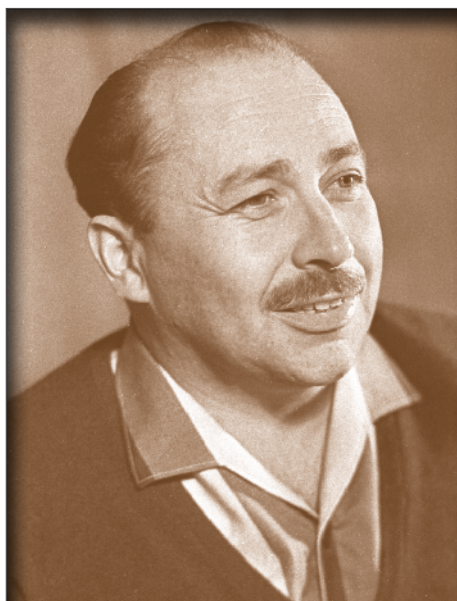
И с шумом опустил фанерную шторку, сохранившуюся с тех пор, когда занавес в Малом театре не раздвигался, как во МХАТе, а поднимался и опускался.

С тех пор Юзовский и не пытался попасть в театр. Ни в один! Зачем? Его не хотят там видеть и слышать. И это после того, как сам Немирович-Данченко интересовался мнением Юзовского! И Мейерхольд интересовался, и Таиров, и Попов, и Ахметели, и Михозлс, и Завадский, и Охлопков, и Симонов, и Штраух, не говоря уже о других.

Правда, к этому моменту иных из них уже не было в живых. Зато другие благоденствовали, но Юзовского не замечали, не звонили, не приглашали — ни домой, ни в театр: так было спокойнее и надежнее.

Последнее рукопожатие

В первой декаде мая 1956 года погода несколько раз резко менялась. В это время в Москве часто случаются подобные

Важные персонажи драмы жизни Иосифа Ильича Юзовского: Михаил Астангов (слева вверху), Григорий Поженян (слева), Илья Эренбург с той самой собакой-курьером и, наконец, сам себе вынесший приговор Александр Фадеев

перепады. Утром светит яркое солнце, а уже в полдень может подняться сильный холодный ветер.

Так и было 10 или 11 мая во второй половине дня. Мы мирно о чём-то беседовали с Иосифом Ильичём в его комнате,

как вдруг раздался звонок. Юз сказал, что он никого не ждёт: скорее всего, пришли друзья сына, Миши. Но когда я отворил дверь, на лестничной площадке стоял Александр Фадеев. Мы не были знакомы, но, конечно, я сразу узнал его. Высокий, статный, красивый, с копной седых волос, в лёгком пальто, без головного убора. Он сказал, что хотел бы видеть Юзовского. Я предложил ему снять пальто, а сам поспешил в комнату, чтобы предупредить Юза о таком неожиданном визитёре.

— Вы уверены, что это именно он? — с некоторым недоверием спросил Иосиф Ильич. — Минуточку пусть подождёт, я должен привести себя в порядок.

Действительно, не принимая же Фадеева, лёжа в пижаме на диване!

Я извинился и попросил Александра Александровича пройти в Мишину комнату, чтобы Иосиф Ильич мог переодеться. Фадеев поинтересовался, кем я довожусь Юзовскому, кто ещё живёт в этой квартире и почему на двери висит металлическая пластинка с фамилией Иосифа Уткина. Пока я удовлетворял любопытство классика, Юз оделся и заглянул в Мишину комнату. Фадеев встал навстречу, протянул руку, после чего они оба молча удалились.

Аудиенция длилась примерно минут сорок. Затем Иосиф Ильич позвал меня к себе и попросил проводить Александра Александровича. Снова рукопожатие, только на этот раз первым протянул руку Юзовский. Я хотел подать гостю пальто, но он опередил меня, сам оделся и направился к выходу. Мне оставалось лишь вызвать лифт, Фадеев поблагодарил и удалился.

Иосиф Ильич был явно чем-то возбуждён. Но он не любил вопросов, и потому я решил ни о чём его не спрашивать: захочет — сам расскажет.

Через несколько минут, когда мы сели обедать, Юз спросил:

— Знаете, зачем он приходил? Нет? Возьмите на письменном столе бумаги и прочтите!

Почти с первых же слов я ужаснулся: Фадеев сообщал о причинах задуманного им самоубийства и объяснял, почему текст письма изготовлен в нескольких копиях.

— Он что, всё это вам сказал? И вы не попытались его отговорить?

– Видите ли, он не за тем приходил, чтобы я его отговаривал. Он был совершенно трезвый и спокойный, каким я давно уже его не видел. Передо мной сидел автор «Разгрома» и «Последнего из удэге» – талантливый писатель, а не партийный функционер, невольный соучастник сталинских злодеяний. Человек прозрел, всё взвесил и принял единственно возможное для себя решение. Оставаться жить в подобной ситуации он не хочет и не может. Имею ли я право вмешиваться?... Мне, безусловно, жаль его, как и любого другого, кто посягает на собственную жизнь. Но бывают случаи, когда у человека нет другого выхода...

13 мая 1956 года Фадеев застрелился. В официальном сообщении, как и предполагал Александр Александрович, было сказано, что он страдал от алкоголизма, и этим объяснялось его самоубийство. Лишь тридцать с лишним лет спустя, во времена гласности и перестройки, письмо Фадеева было опубликовано. Но в 1956 году об истинных причинах поступка Александра Александровича знали совсем немногие.

Антиюбилей

В 1957–1958 годах Юзовский снова стал печататься. Правда, не так часто, как прежде, но всё же он постепенно возвращался к своей профессии. Его приглашали на премьеры, привлекали к обсуждению новых пьес и спектаклей, просили о консультациях. Он даже снова стал выезжать в командировки в другие города.

А 18 декабря 1962 года «космополиту № 1» исполнялось 60 лет. Весь предыдущий сезон Юз тяжело болел, перенёс две сложнейшие операции и потому слушать не желал ни о каком юбилее. Но мне очень хотелось сделать что-нибудь приятное для своего кумира, так и не сумевшего оправиться после кораблекрушения в «незабываемом» 1949 году...

По существу, надо было решить две равновеликие проблемы: получить согласие юбиляра и заручиться поддержкой Александра Моисеевича Эскина, главного управителя столичного актёрского клуба. С Эскиным я договорился на удивление легко. А вот Юзовский про-

должал упорствовать. Но, как известно, капля камень точит. К осени лёд тронулся.

День рождения Юзовского в тот год пришёлся на вторник, и Эскин предложил, не мудрствуя лукаво, назначить вечер именно на это число. Я тут же начал действовать. Но мне позвонил директор-распорядитель Театра имени Евгения Вахтангова И.И. Спектор с просьбой уступить 18 декабря для вечера А.И. Горюнова: вторник был выходным днём Вахтанговского театра и потому единственно приемлемым для внетеатрального вахтанговского мероприятия. Пришлось пойти навстречу, не подозревая, какими последствиями может обернуться перенос вечера всего на один день, на 17 декабря.

Но обо всём по порядку. Юзовский по-прежнему ворчал, что вся эта затея – напрасная суета. Я же по мере приближения самого события впадал в тихое отчаяние, потому что понимал: сделать банальный вечер, на котором все станут помирать со скуки, не фокус. А что можно этому противопоставить, решительно не знал. И вдруг меня осенила идея: а что, если всё обратить в шутку? Вместо обычного стола президиума, покрытого зелёной скатертью, выгородить на сцене скромную гостиную. Поставить небольшой круглый стол с настольной лампой, удобное кресло, рояль, ширму, цветы – вот, пожалуй, и всё.

А дальше я решил пригласить в качестве ведущей Марту Цифринович с кукол художницы Екатерины Терентьевны Беклешовой, которую многие знали как Венеру Михайловну Пустомельскую, кандидата околосвещеских наук. Марта Владимировна предложение приняла...

Итак, найдена ведущая, есть разные номера, но как всё это связать воедино, с чего начать? Сперва у меня была идея

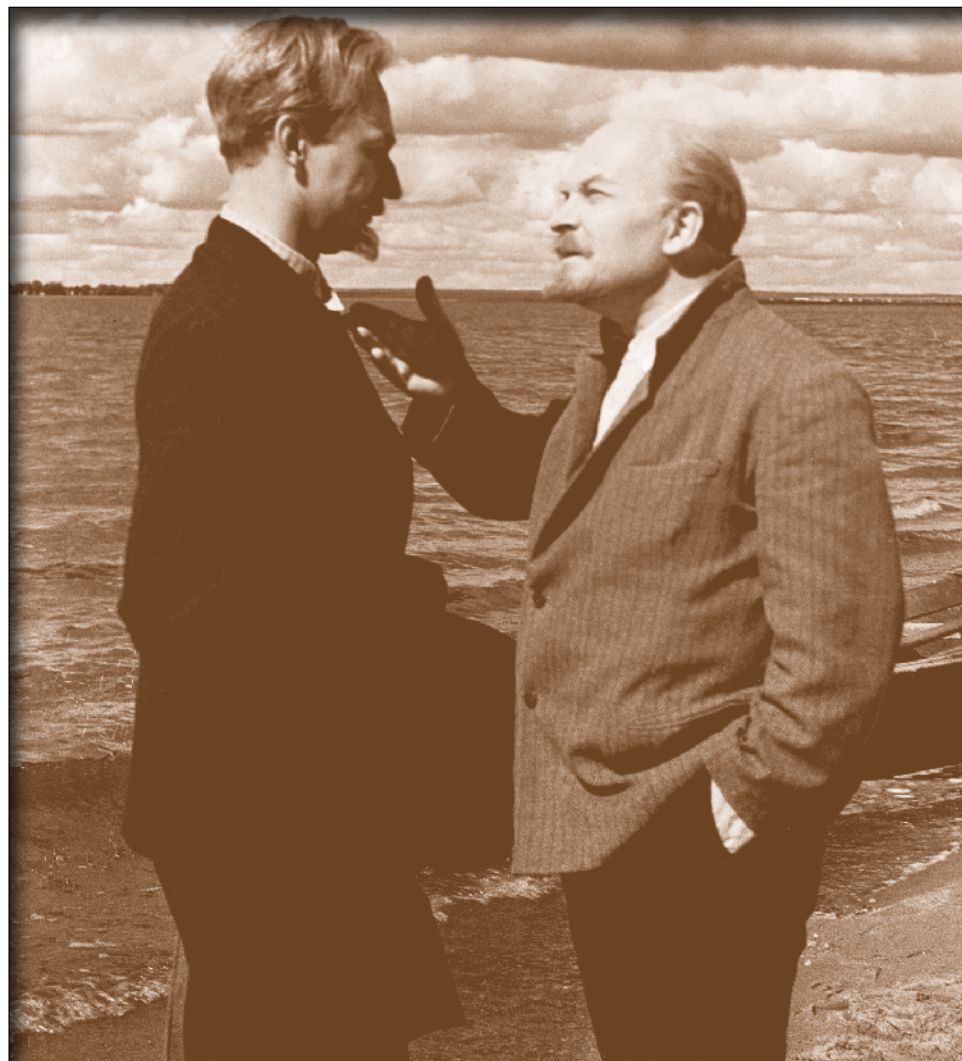
Знаменитый исполнитель роли Ленина Максим Штраух (вверху в фильме «Рассказы о Ленине») мастерски использовал в жизни своё сходство с вождем, что, в частности, помогло увековечить память о Юзовском. Внизу: критика поздравляет с 60-летием Николай Охлопков (справа)

попросить кого-нибудь из многочисленных знаменитых друзей Юза сказать вступительное слово. Но потом я понял, что подобное начало неминуемо заведёт нас в тупик дежурного юбилея, и стал просить Юза, чтобы он сам сочинил о себе шуточный доклад, что-то вроде автобиографии. Он сразу же категорически сказал: нет! И я снова впал в отчаяние.

Однако уже через несколько дней Иосиф Ильич как бы между прочим протянул мне несколько машинописных стра-

Я объяснил, что ни президиума, ни председателя, ни докладчика не будет. Вечер поручено вести Венере Михайловне Пустомельской. А в «прениях» выступят Завадский, Симонов, Охлопков, Светлов, Ливанов, Плучек, Астангов, Марецкая, Плятт, Раневская, Сухаревская, Образцов, Бабочкин, Штраух, Яншин...

– Хватит, хватит, – перебил меня Сапетов. – А откуда эта Венера Михайловна? Я прежде ничего о ней не слышал...

ниц под названием «Как это случилось?». То было одно из самых блистательных его эссе. Осталось решить: кто прочтёт этот умопомрачительно смешной доклад? Не знаю уж почему, но первым делом я позвонил Василию Осиповичу Топоркову. Он охотно согласился, только попросил заранее прислать ему текст: старая мхатовская школа! Всё как будто налаживалось...

До начала встречи оставалось чуть больше часа. У Юза неожиданно поднялась температура, срочно вызвали врача, неясно было, сможет ли он сам приехать. А тут ещё меня просит зайти Эскин, и Марта справедливо заявляет, что она сейчас же уходит, если мы немедленно не начнём репетицию...

Оказалось, к Эскину пришёл Сапетов, заместитель председателя президиума ВТО, и поинтересовался предстоящим вечером. Александр Моисеевич как-то уклончиво ответил ему, что вся эта затея с юбилеем Юзовского принадлежит мне, а я не люблю, когда кто-то вмешивается в мои дела. Сапетова такое объяснение ещё больше насторожило, хотя он относился ко мне прекрасно.

Надо учесть, что Николай Константинович – профессиональный партийный работник – знал, что именно в эти часы на Ленинских горах Никита Сергеевич Хрущёв собрал художественную интеллигенцию страны и популярно объясняет ей про «кузькину мать» в связи со своим недавним посещением художественной выставки в Манеже, которая привела его в неописуемую ярость.

Согласитесь, проводить в такой момент юбилей недавнего «безродного космополита», кстати, так официально и не реабилитированного, по меньшей мере несвоевременно. Однако отменить его Сапетов не собирался. Но счёл необходимым проявить бдительность и задал несколько конкретных вопросов. В частности, его интересовали состав президиума, председатель собрания, основной докладчик, список выступающих.

– Это кандидат околосвещеских наук, а точнее – кукла, с которой на эстраде выступает артистка Марта Цифринович.

– Кукла станет вести юбилей? Я что-то не понимаю. А вы, Александр Моисеевич?

С трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Эскин сказал, что он знает и куклу, и артистку и надеется, что всё будет хорошо. Ответ Александра Моисеевича, по-моему, удовлетворил Сапетова. Во всяком случае, больше вопросов он не задавал, а на вечер остался, тем более что такое общество даже в Доме актёра собиралось не каждый день.

Уже пора давать звонки, но администратор просит повременить: народу собралось пока совсем мало. Самые именитые гости всё ещё там, на Ленинских горах, где продолжается прочистка мозгов. Вот когда я пожалел о переносе вечера Юзовского, однако уже было поздно...

Но вот зал постепенно заполняется, можно и начинать. Бледный Юз, прибывший только что в сопровождении доктора, еле держится на ногах, стоя за кулисами. Но сестра категорически отказывается, ссылаясь на то, что затем не сможет встать.

Снимаем свет в зале, даём гонг, открываем занавес, выдерживаем небольшую паузу. Из-за ширмы появляется Венера Михайловна. Она ещё ничего не говорит, только поправляет свой потраченный молю мех, а в зале уже слышен лёгкий хохоток.

– Между прочим, я пока ещё ничего смешного не сказала, – вызываясь бросает Венера. – Те, кто хорошо знаком с биографией юбиляра, уверена, поймут меня. У каждого своя голова. И притом одна. Я её терять не намерена. Даже, извините, ради такого случая! Поэтому, когда устроители обратились ко мне со своим сомнительным предложением, я тут же переадресовала их непосредственно юбиляру. Пусть что хочет, сам о себе и скажет – ему терять нечего! Теперь это, кстати, принято. Юбилар доклад со-

чинил. Но кто решится его прочесть: вот ведь в чём вопрос...

При этих словах Венера внимательно всматривалась в зал и говорила: «Ну нет, о вас Юзовский в своё время такое написал!!! И о вас, простите, тоже. А вот вы, Василий Осипович, наверное, не забыли его призыв после премьеры «Тартюфа»: «Равняйтесь на Топоркова!»

Венера протягивала руку с несколькими машинописными страницами. Сидевший в первом ряду Топорков встал с места, поднялся на сцену, подошёл к ширме, взял рукопись и направился к креслу. Усевшись поудобнее, он приступил к чтению, а зал то и дело сотрясаясь от хохота. «Доклад» длился минут 15–20. А когда он закончился, собравшиеся устроили овацию, и благодарный исполнитель первым стал требовать автора. Но растерявшийся юбиляр не мог двинуться с места. Тогда Людмила Целиковская и Валентина Калинина, подхватив его под руки, буквально вынесли несчастного из-за кулис на сцену. Василий Осипович тепло приветствовал Иосифа Ильича и уступил ему кресло.

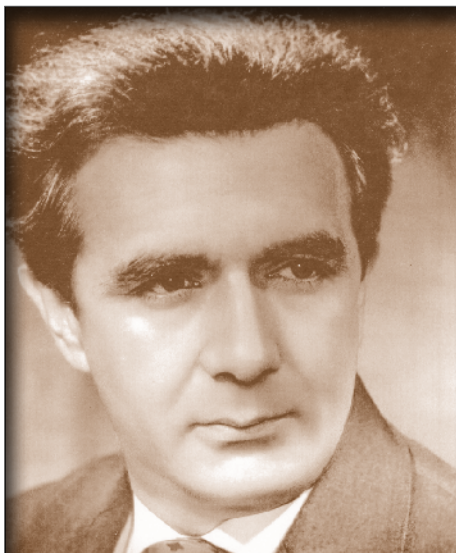
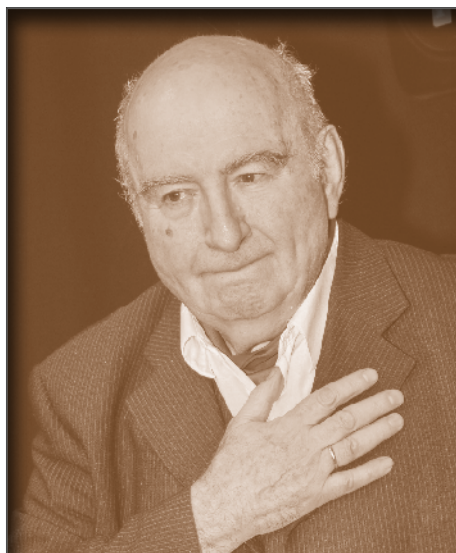
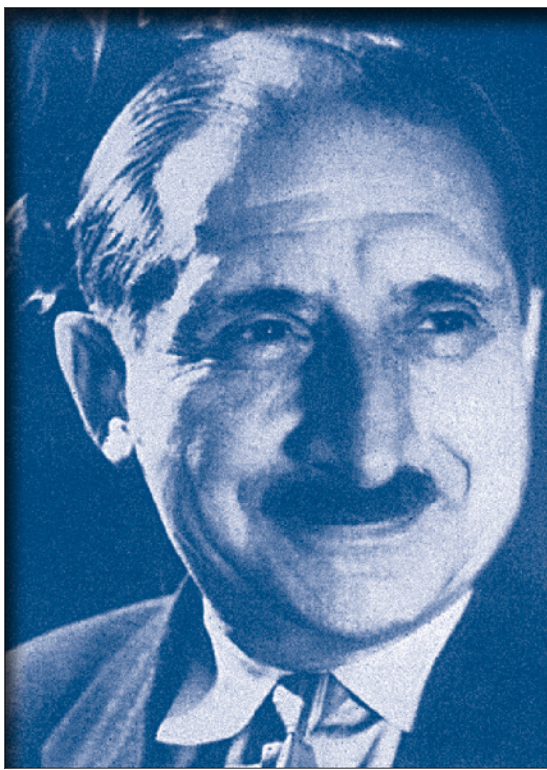
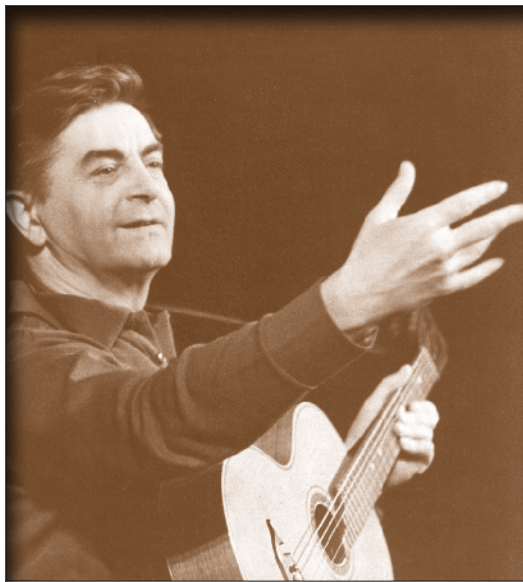
В адрес юбиляра пришло много поздравлений. Мы были не в состоянии огласить все и потому выбрали самые остроумные. Их зачитывали наши «барышни» по одной перед каждым выступлением. И зрители, и юбиляр сразу привыкли к правилам игры и каждую телеграмму воспринимали как новую репризу. А тут вдруг приносят телеграмму от министра культуры СССР Е.А.Фурцевой. Времени для размышлений никакого. Но Целиковская считает, что такое послание надо прочесть немедленно. Человек она решительный, спорить с ней бесполезно, да уже и невозможно: она выходит на сцену и начинает читать. Но поскольку зал настроен на весёлую волну, никто не воспринимает приветствие Фурцевой всерьёз. По-моему, Целиковская впервые ощущает некоторую растерянность. С помощью интонаций и мимики она пытается переломить ситуацию. Но чем больше она прилагает усилий, тем меньше ей это удаётся. Мансурова, Глизер, Яншин, Плятт, Тарасова, Раневская, Бирман, Гиацинтова просто сползают от смеха с кресел, хотя, как вы догадываетесь, ничего смешного в официальной телеграмме министра не было и быть не могло.

Больше других недоумевал сам Юзовский. Он не мог понять, розыгрыш ли это или всерьёз. Но тогда почему такая реакция? Людмила Васильевна не хочет сдаваться. Дочитав телеграмму до конца, она начинает всё с начала. В ответ уже не хохот, но стон! Юз подходит к Целиковской, берёт телеграмму, замечает на ней крупными буквами слово «правительственная», беспомощно разводит руки в стороны – дескать, извините, но всё правда, – разворачивает послание лицом к залу, чтобы и мы могли в этом убедиться. Немая сцена, заканчивающаяся новым взрывом хохота, смешанного с аплодисментами.

Вечер перевалил за экватор, когда за кулисами неожиданно появились Козловский и Иванов-Крамской. Оба закутаны с головы до ног: в тот день в Москве, как на грех, был лютый мороз. Александр Михайлович отвёл меня в сторону и сказал, что Иван Семёнович разговаривать не может, но его надо немедленно выпускать. Я на всё заранее согласен. Сейчас как раз заканчивает выступать Виктор Ефимович Ардов, а после него милости просим!

Но Ардов и не думал заканчивать. Он вышел на сцену с большой пачкой библиографических карточек. На них он записывал короткие смешные истории. Они имели успех у любой аудитории, и Ардов не мог отказать себе в удовольствии прочесть их сегодня снова в присутствии московской театральной элиты... Козловский нервничает, Иванов-Крамской показывает, что его гитара уже настроена. Однако что я могу сделать?

Прошу Марту, чтобы её Венера, уловив момент, деликатно напомнила Ардову, что сегодня – вечер Юзовского, а не его.

Эти люди оставались верны дружбе с Юзовским (на центральном фото) в самые тяжёлые для него годы, помогали ему, а после его смерти способствовали увековечиванию его памяти: режиссёр Юрий Любимов, актриса Галина Пашкова, критик Борис Поюровский, театровед Юлий Шуб, актёр Михаил Жаров

Думаете, Виктор Ефимович смутился? Ничуть не бывало! Привычно почесав за ухом, он очаровательно улыбнулся и сказал: «Дорогая Венера Михайловна, мне нужно ещё минут двадцать. И передайте нашему другу Поюровскому, что он дурно воспитан!» Я думал, что меня хватит удар. Но Ардов, рассказав ещё одну смешную байку, гордо удалился...

Поскольку Козловский не значился в программе, никто не был готов объявить его выход. Но прежде чем я это осознал, Иван Семёнович уже оказался на сцене. Можете себе представить, как его встретил зал. А он подошел поближе к юбиляру и скромно запел романс «Бежит парус одинокий». Когда дошло до слов «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой» и Козловский большим пальцем правой руки указал в сторону Юза, тут и сам юбиляр дрогнул...

Не стану утомлять читателей всеми перипетиями того памятного вечера, закончившегося далеко за полночь. Сначала Юзовский принимал поздравления и раздавал автографы на только что вышедшей его книге «Мы с Наташей

зует не только его участников, но и время, в которое он случился.

Не помню уже точно, по какому случаю в Большом зале Центрального дома литераторов имени А.А.Фадеева проходило очередное собрание. На повестке дня, естественно, всё те же до боли знакомые вопросы, с теми же надоевшими примерами и неизменным составом президиума во главе с Анатолием Софроновым. Скучные доклады, такие же выступления в прениях. Постепенно центр действия из зала перемещается в буфет и ресторан: вот где бурлят настоящие страсти. И надо же было случиться, что в каком-то узком проходе на пути к пище телесной поэт Григорий Поженян повстречался с критиком Виктором Залесским, печально прославившим своё имя борьбой с «безродными космополитами». Что уж там они сказали друг другу, никто не знает: свидетелей не было. Только Залесский вбежал в зал и жалобно закричал: «Меня сейчас ударил по лицу Григорий Поженян и сказал, что это мне за Юзовского!»

Поднялся шум, кто-то посочувствовал пострадавшему, другие вспомнили его филиппики эпохи космополитизма, а председательствующий сдур спросил: «А где это произошло?» И Залесский честно сказал, что конфликтное столкновение имело место в ресторане. На другой же день на обоих входах в ресторан – и со стороны Воровского, и со стороны Герцена – появилось небольшое объявление. В нём коротко излагались само происшествие и решение дирекции ресторана в наказание запретить официантам в течение ближайшего месяца обслуживать члена Союза писателей СССР Г.М. Поженяна за неэтичное поведение по отношению к своему коллеге. Ну и смею было!

«В первую очередь разыщу Шекспира...»

Он ушёл из жизни, чуть-чуть не дожив до 62-го дня рождения, его хоронили 18 декабря 1964 года.

Те, кто знает его судьбу, удивляются, что он прожил так долго. Те, кто знает только его статьи и книги, огорчаются, что он ушёл из жизни так рано. Сам Иосиф Ильич незадолго до своей смерти говорил:

– Я умираю, но прошу меня не оплакивать. В конце концов, я ведь мог сделать это значительно раньше. Например, в тридцать седьмом году. Или в сорок первом – сорок пятом, как мой брат Митя. А уж в «незабываемом» сорок девятом мне сам Бог велел... Одна моя забота – дети. Миша совсем ещё ничего не понимает. Вся надежда на Тоню – нам её послал Всевышний.

Все мои сбережения – здесь, под подушкой. Не пугайтесь, там немного меньше миллиона – всего двести пятьдесят рублей. Но зато я роздал все долги, так что, если кто-нибудь предъявит детям какие-то претензии, знайте – это враньё. Но сберкнижку сейчас заберите и до завершения похорон никому не показывайте, а потом выдавайте детям не больше пятидесяти рублей в месяц, пусть учатся экономить!

А похороняя меня, и, надеюсь, не без удовольствия некоторых, за счёт Союза писателей. Если предложат панихиду, то лучше всего в том самом дубовом зале, где нас когда-то распинали: пусть возторжествует справедливость. Ну а теперь идите в Дом актёра к Георгиевской: 50 лет не каждый день случается. Кланяйтесь ей от меня – она очень талантливая человек!

Потом он ещё попросил передать несколько благодарственных слов Р.Я. Плятту, а в завершение сказал:

– Господи, хоть бы поскорее! – и, преодолевая боль, добавил: – Я ведь там буду не один и, надеюсь, сам смогу решать, с кем мне общаться. В первую очередь, конечно, разыщу Шекспира: у меня к нему давно масса вопросов. С Константином Сергеевичем, Сергеем Михайловичем, Владимиром Ивановичем, Всеволодом Эмильевичем, Юрием Карловичем, Александром Яковлевичем давненько не виделись. А надо бы! Да я и Пушкина там найду, и Гоголя, и Чехова. Так что, повторяю, вы тут не печальтесь обо мне, не надо...

Месть Поженяна

Эпизод, о котором я хочу рассказать, при всей своей трагичности характери-

...Часа через три, уже за полночь, из Боткинской больницы позвонил осиротевший Миша: умер папа.

А утром, ровно в восемь, меня разбудил телефонный звонок знаменитого Ария Давидовича Ротницкого – несравненного мастера по организации похорон писателей. О нём рассказывали легенды, но до той поры мы не были знакомы лично. Выразив сердечные соболезнования от секретариата Союза писателей и правления Литфонда, Арий Давидович поинтересовался, какие будут пожелания у родственников. Ещё не совсем пробудившись ото сна, я спросил:

– А откуда вы узнали?

– Это наш долг, – почти обиженным тоном ответил мой собеседник.

Дальше началась история с пробыванием места для захоронения на Новодевичьем кладбище, в которой были задействованы Министерство культуры СССР, Союз писателей СССР и ВТО. Несмотря на то, что сам Михаил Иванович Жаров, вооружившись всеми этими ходатайствами, поехал к важному чиновнику Моссовета Алимкину, мы получили отказ.

– Вот видите, – сказал товарищ Алимкин, – у меня есть номенклатурный список, утверждённый самим Вячеславом Михайловичем Молотовым, в котором точно указано, кого можно хоронить на Новодевичьем кладбище. А ваш покойник под этот список ну никак не подпадает. Так что уж извините!..

– Бог с ним, с этим списком, – по-свойски сказал Жаров, переходя с Алимкиным на «ты». – Я прошу тебя сделать исключение ради меня!

– Да что вы, Михаил Иванович, о себе лично можете не беспокоиться: хоть сейчас! – бодро выпалил Алимкин.

Рано утром следующего дня, вооружившись всё теми же ходатайствами и несколькими газетами, в которых уже были помещены официальные некрологи, друзья Юзовского М.М. Штраух, Р.Я. Плятт и актриса МХАТа депутат Моссовета Г.И. Калиновская собрались у входа в Моссовет. Решено было идти к самому В.Ф. Промыслову. Но, увы, тогдашний председатель исполкома Моссовета в тот день находился в Кремле на сессии Верховного Совета.

И тут, на наше счастье, Ростислав Янович случайно повстречал в коридоре Лидию Николаевну Богаткову, помощницу какого-то начальника. Узнав, в чём дело, она посочувствовала, но выразила большие сомнения в успехе нашей затеи. Хотя... и она направила нас к помощнику Промыслова.

Дальше всё было, как в советском кино тех лет, где всё обычно кончалось благополучно. На панихиду собралась вся московская интеллигенция, прилетели министры культуры из Польши, Чехословакии, ГДР, вдова Бертольда Брехта Елена Вайгель и другие известные деятели театра. Гроб по распоряжению руководителя Союза писателей К.А. Федина – ему позвонил Плятт – действительно установили в том самом месте, где когда-то стояла трибуна. С неё охотники за ведьмами согнали в своё время Юзовского за то, что он не хотел подтвердить существование подпольной типографии, с помощью которой якобы велась травля лучших советских драматургов: Софронова, Сурова, Первенцева, Мдивани, Финна.

– Юзовскому уже всё равно, что мы о нём скажем, – начал Плятт. – Но он хотел, чтобы эти слова покаяния были произнесены именно в этом зале, где его вместе с другими критиками подвергли несправедливой публичной казни. Живые должны дать слово у гроба покойного, что они прекратят бросать камни в разрешённом направлении.

– Юзовский умер не сегодня, а в 1949 году, когда у него дома вдруг перестал

Ростислав Плятт – ещё один верный и преданный друг опального критика, не оставивший его в трудную минуту

звонить телефон, – продолжил мысль Ростислава Яновича Юрий Петрович Любимов уже на Новодевичьем кладбище. – Он сам об этом мне рассказывал. Больше того, в середине пятидесятых годов вахтанговская актриса Галина Пашкова передала мне пьесу Брехта «Добрый человек из Сезуана» в переводе Юзовского с просьбой поставить её в Театре Вахтангова. Но я семь лет никак не мог выкроить время, чтобы её прочесть. Раз в год, первого января, Юзовский поздравлял нас с праздником, но я к телефону не подходил, ибо ничего не мог ему сказать.

А ведь именно «Добрый человек из Сезуана», появившийся незадолго до смерти Юзовского, во многом определил судьбу самого Любимова: с этого спектакля начался Театр на Таганке и Любимов-режиссёр.

Три тонны ленинской бронзы

Комиссия по литературному наследию Юзовского, в которую вошли Александр Аникст, Ростислав Плятт, Афанасий Салынский, Михаил Юзовский и автор этих строк, помимо подготовки к изданию трудов критика начала хлопоты по сооружению надгробия.

Примерно через два года в Малом зале Дома актёра собрались друзья Юзовского, чтобы познакомиться с проектом памятника, созданным молодыми тогда скульптором Леонидом Берлиным и архитектором Михаилом Лифатовым. Общее мнение оказалось единодушным: проект замечательный. Остановка была за малым: изготовление памятника, по самым скромным подсчётам, требовало около трёх тонн высококачественной бронзы и, следовательно, солидных средств. ВТО по инициативе Ю.Г. Шуба в порядке исключения приравняло Юзовского к народным артистам СССР и ассигновало 300 рублей – большие по тем временам деньги. А Литфонд СССР по ходатайству К.А. Федина дал ещё больше – 500 рублей. Но никто тогда не знал, во что на самом деле обойдётся сооружение надгробия, кто его изготовит, а главное, где и как достать бронзу.

По приблизительным подсчётам, изготовление, транспортировка и установка надгробия укладывались примерно в 2000–2500 рублей. Правда, сюда не включался авторский гонорар. А пока у нас есть всего 800 рублей. Авторы тут же благородно отказываются от гонорара. Но нас предупреждают, что в 1968 году получить разрешение даже на бронзовый бюст, на который нужно 20–30 кг, практически нереально. А нам необходимо три тонны!

Письмо к Е.А. Фурцевой по этому поводу подписывают ведущие мастера искусств и лично вручают министру В.П. Марецкая, Р.Я. Плятт, Ф.Г. Раневская и М.М. Штраух. Фурцева сочувствует просьбе, но объясняет, что до 1970 года не может входить с таким ходатайством в правительство: вся бронза сейчас идёт исключительно на подготовку к празднованию 100-летия со дня рождения В.И. Ленина – каждый город во что бы то ни стало хочет украсить центральную площадь или главную улицу памятником вождю революции!

Но дружная компания не сдаётся, и Максим Максимович Штраух неожиданно произносит монолог в поддержку общей просьбы со знакомыми до боли ленинскими интонациями. А ведь его сама Надежда Константиновна Крупская считала наиболее похожим из всех исполнителей на Владимира Ильича. Фурцева смеётся со всеми и тут же предлагает: давайте вместе с вами, Максим Максимович, сходим к Алексею Николаевичу Косыгину, он человек с юмором, может быть, что-нибудь и получится.

Екатерина Алексеевна не ошиблась. Штраух говорил с Косыгиным исключительно в образе Ленина, только без грима, с ленинской настойчивостью добиваясь всего-то трёх тонн бронзы. Вопрос был решён моментально. Необходимо срочно начать сбор средств: деньги, выделенные ВТО и Литфондом, могли покрыть лишь часть расходов.

Все, к кому мы обращались, незамедлительно давали деньги. Суммы пожертвований колебались от одного рубля до ста. Но мы были одинаково признатель-

ны каждому, кто поддержал нашу инициативу. Иногда к нам обращались по собственной инициативе и малознакомые люди: они от кого-то случайно узнавали, на что мы собираем средства, и просили принять от них пожертвования. До сих пор я храню эти списки и обязательно передам их в Бахрушинский музей в написание будущим поколениям.

Худфонд наконец составил смету на 1900 рублей и предложил ВТО заключить договор. В мае 1969 года трагическую маску античного театра установили на могиле Юзовского. Уже был назначен день торжественного открытия, когда из Худфонда неожиданно сообщили, что в связи с повышением цен сметная стоимость увеличивается в два раза. Сотрудница Худфонда, которой я объяснил, каким образом мы собрали оговоренную в договоре сумму, отнеслась к ситуации с пониманием и поинтересовалась, не был ли Юзовский членом Союза художников. Вот если бы был, то можно было бы, согласно уставу, уплатить всего 50 процентов, то есть как раз всё те же 1900 рублей.

– А кого вы знаете в правлении Союза художников?

– Юрия Ивановича Пименова, Андрея Дмитриевича Гончарова...

– Вот пусть они и подтвердят, что Юзовский был членом Союза художников!

Разумеется, ни Пименов, ни Гончаров такой справки выдать не могли. Зато вместе с другими известными своими коллегами они составили официальное письмо в Худфонд, в котором сообщали, что, хотя Юзовский не был членом Союза, он сделал для развития отечественного искусства куда больше иных его формальных членов. А потому справедливо будет распространить на него предусмотренную уставом льготу.

29 мая 1969 года на Новодевичьем кладбище на церемонию открытия собрались друзья Иосифа Ильича. Начался митинг, перерезали ленточку, сняли покрывало, уже выступили первые ораторы, как вдруг в воротах появился и стал быстро-быстро двигаться по направлению к нам огромный венок из живых цветов. Когда он приблизился, оказалось, что сзади его несли два человека небольшого роста, которых мы смогли увидеть только теперь. Это были замечательный режиссёр Борис Иванович Равенских, в ту пору руководивший Театром имени Пушкина, и заведующая труппой Пушкинского театра Хана Абрамовна Блущинская. Они немного опоздали, но всё-таки успели исполнить свой долг, а Борис Иванович даже сказал несколько трогательных слов.

Он заслужил покой

У каждого человека должен быть Учитель на всю жизнь. С ним можно советоваться и после его смерти, поверяя всякий серьёзный поступок. Для меня Иосиф Ильич остался таким Учителем навсегда, хотя формально он никогда нигде не преподавал. Но разве это так уж важно? Он и награда никаких не был удостоен, что не мешало людям искусства относиться к нему с большим уважением.

С самого начала 1930-х годов И. Юзовский был «присяжным» театральным критиком лучших московских газет. Обычно его рецензии появлялись на другой день после премьеры: тогда это было правилом. Сто – сто пятьдесят строк, которых ждали и актёры, и зрители. Позже он мог вернуться к этому же спектаклю в развёрнутой журнальной публикации, но ему важно было высказать своё мнение немедленно, чтобы поделиться собственной радостью с другими. Или, напротив, – неудовольствием.

В дни 100-летия Юзовского, в 2002 году, по телевидению был показан фильм «Рождённый театром», посвящённый критике. А в канун Международного дня театра, 26 марта 2004 года, в Лаврушинском переулке, на доме 17/19, где долгие годы жил Юзовский, московское правительство открыло мемориальную доску, посвящённую его памяти.

Но главное – его труды продолжают быть востребованными новыми поколениями, а это означает, что он остаётся с нами и здравый смысл в конце концов победил.

С самого начала 1930-х годов И. Юзовский был «присяжным» театральным критиком лучших московских газет. Обычно его рецензии появлялись на другой день после премьеры: тогда это было правилом.

В моей жизни все было красиво

■ Мария ДЕМЕНТЬЕВА

Публикация 2012 года

Много слухов ходило об особом, привилегированном положении Зыкиной, о покровительстве, которое оказывают ей «великие мира сего», рассказывали и о ее дружбе с ними. Но что же на самом деле за человек, Людмила Зыкина, что в этих разговорах правда, а что – вымысел?

Найти дом, где разместился ансамбль «Россия», художественным руководителем которого являлась Людмила Зыкина, не составило труда: он находится недалеко от Министерства обороны. Пока я ждала, когда Зыкина освободится от неотложных дел, со стены приемной меня рассматривал, лукаво прищурившись, вождь мирового пролетариата, вытканый, очевидно, какими-то народными умельцами. Мне этот стенной коврик показался странным, хотя, наверное, ничего необычного в нем не было, просто я как-то стала от Ильича отвыкать. Прошло время, когда его изображения можно было встретить в самых неожиданных местах... В кабинете певицы меня ждал сюрприз: число Ильичей возросло. Один, тоже «ковровый», скромно притаился в углу, другой, уже более привычный, строго смотрел с официального портрета над столом Зыкиной. С разговора о Ленине я и начала нашу беседу:

– Людмила Георгиевна, сейчас многие стараются расстаться с портретами вождя, чего, я вижу, не скажешь о вас.

Людмила Зыкина. Это имя навсегда вошло в историю нашей эстрады. Но за долгие годы творческой деятельности певице сопутствовали не только толпы восторженных поклонников, но и всевозможные домыслы о ее личной жизни

– Я жила и продолжаю жить с этим именем. Ленин — мой жизненный эталон. А что там делают другие люди — меня абсолютно не волнует.

– То есть ваше отношение к Ленину не изменилось, несмотря на то неприглядное, что нам сегодня приоткрылось в этом человеке?

– Не знаю, что там вам приоткрылось, для меня — это сплошная клевета. Кому-то выгодно сделать нашу страну раскольнической, народ взбунтовать. Да если мы потеряем веру в партию, в наше правительство, в Ленина, как мы уже потеряли веру в Сталина, с именем которого, между прочим, шли в бой и победили в войне, то как же мы своим детям это объясним? И как можно, прожив столько лет, только теперь все вскрыть? Все наши горести и недостатки. Где эти люди, которые сейчас говорят, были раньше?

– Раньше все держалось на страхе...

– Да какой страх?! Я прожила шестьдесят лет, никакого страха у меня не было.

– Но ведь вокруг сажали людей...

– Мы тогда этого не знали, ни меня, ни мать, ни отца не посадили. Я никогда не боялась. Единственное — тогда была дисциплина. Когда я в годы войны пришла на завод, то там за пять минут опоздания судили. Вот эта дисциплина у меня осталась до сегодняшнего дня. А сейчас дали возможность говорить. И ничего не стоит оклеветать человека, который всей душой болеет за наш народ. Тот же Горбачев — почему они его с грязью смешивают? Наверное, потому, что сами — грязные люди.

– Вы член КПСС?

– Нет.

– А по убеждениям вы представляетесь настоящим коммунистом. Как же вы не вступили в партию?

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА. ЭТО ИМЯ НАВСЕГДА ВОШЛО В ИСТОРИЮ НАШЕЙ ЭСТРАДЫ. НО ЗА ДОЛГИЕ ГОДЫ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕВИЦЕ СОПУТСТВОВАЛИ НЕ ТОЛЬКО ТОЛПЫ ВОСТОРЖЕННЫХ ПОКЛОННИКОВ, НО И ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ДОМЫСЛЫ О ЕЕ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

– Я была несколько лет секретарем комсомольской организации на радио, у меня было полторы тысячи комсомольцев. Подала заявление в КПСС. К этому моменту я разошлась с мужем — расстались по-хорошему, просто не соответствовали друг другу. Так секретарь парторганизации мне сказал, что я морально неустойчивый человек! А сам он бросил жену и двоих детей — это морально устойчиво? Я повернулась и ушла — мне нечего было ему сказать.

– И с тех пор...

– Нет, потом я написала заявление в партию — тушью. Мне сказали, что тушью нельзя, надо переписать. А я так старалась. В общем, так и не переписала, уехала на гастроли. Затем я перешла на работу в Москонцерт. Через год подошла к секретарю парторганизации, говорю, вот хотела бы вступить, а она мне: «Людя, вы же у нас только год работаете, как же я могу сказать, годитесь ли вы?» Ну а потом я уже решила, что поздно мне в партию — после сорока вступать как-то стыдно. Но я старалась платить членские взносы: посылала деньги в горком, в помощь ве-

теранам войны, в Фонд мира. Нужно просто выполнять свой долг, что я и делаю. Если бы я думала по-другому, я бы не возглавила Академию народной культуры. Я стараюсь все отдать людям.

– Я знаю, что вас выдвигали народным депутатом. У вас была какая-то программа?

– Была... Но, когда я посмотрела, что там происходит, я поняла, что люди, наверное, были заинтересованы стать депутатами. У меня же такой интереса не было. Потому что те программы, которые они выдвигали, я делаю каждый день. Помогаю людям: ветеранам войны, труда, детским домам — у нас свой подшефный детский дом в Ульяновске. И я решила, что мне нужно заниматься тем делом, которое я знаю и люблю.

А в депутаты я шла вместе с Ельциным. Мы с ним знакомы со времен его секретарства в Свердловске.

– А какие-то политические симпатии у вас есть?

– Я политикой не занимаюсь.

– Но кто-то, наверное, вам все же симпатичен?

– Мне все симпатичны. Только я бы себя так не вела. Мне неловко за некоторых депутатов, которые не имеют элементарной внутренней культуры. А не имея ее, нельзя быть депутатом. Потому что такой человек не любит тех, с кем ему приходится работать. Депутату нужно быть очень чистым. А то вот они говорят, к примеру, о больницах. Конечно, не должно быть плохих больниц, мы должны все больницы поднять до уровня тех, где обслуживается правительство, те же депутаты. А меня, между прочим, открепили от 2-й поликлиники. Но я — Герой Соцтруда, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии имени Глинки. Помимо этого, народная артистка СССР и многих республик — Узбекистана, Азербайджана, Удмуртии. Я имею право на многое. Конечно, такое отлучение неприятно для самолюбия, но когда видишь, как в спецполиклинику депутаты прикрепляют не только себя, но и жен, детей, а возможно, и друзей, то становится обидно до слез.

Я не останусь без медицинского обслуживания. В районе — а я живу в «высотке» на Котельнической набережной — меня любят. Да в любую больницу обращаюсь — и примут. Но факт есть факт. А я имею право и на бесплатную путевку — еще ни одной бесплатно не брала, и на бесплатный проезд в любую точку нашей страны. В моей книжке Героя истрачено всего два талона. Мне очень приятно, что народ меня так высоко оценил, но я абсолютно не пользуюсь этими благами.

– И магазинами?

– Единственная моя привилегия — Центральный рынок. Правда, от него мне становится жутко...

– Вы сказали, что хорошо знаете Ельцина. Наверное, не только его — жизнь вас сводила со многими, кто вошел в нашу отечественную историю. К примеру, я слышала, что вы дружили с Фурцевой. Это правда?

– Правда. Екатерина Алексеевна была изумительным человеком, большим политиком. Мне было очень больно, когда Любимов вдруг написал в «Огоньке», что Фурцевой некогда было заниматься культурой, потому что она занималась Зыкиной, вместе «закладывали и парились». Я Любимова после этого перестала уважать. Как такой человек может возглавлять коллектив, быть режиссером? То, что он сказал, не только некрасиво. Каким бы министром Фурцева ни была (а министром она была очень хорошим), уважающий себя человек не должен так грязно говорить о женщине.

Я театрального направления Любимого не понимаю, но с детства привыкла к красивому. У нас в доме ничего не было, но салфетку на стол мама, бывало, так выгладит, накрахмалит... Я к чистоте привыкла, и к чистоте душевной. Чего, к сожалению, не нашла у Юры Любимова. А Екатерина Алексеевна, хочу вам сказать, никогда никому не сделала плохого.

– Ну а в баню-то все-таки вы вместе ходили?

– С ней многие певицы ходили в баню. Это был ритуал. Но мы бывали не в каких-то элитарных банях, а в Центральной. А однажды номер был закрыт, так мы пошли в общее отделение. И все ее видели там. Никогда в бане не пила. Однажды моя подруга принесла с собой пиво. И Екатерина Алексеевна говорит: «Пивом хорошо голову мыть». Но чтобы она хоть грамм выпила — этого не было, все это ложь. Возможно, с кем-то она и пила, на приемах, например, но со мной — никогда.

В 1991 году Зыкина вместе с рядом политиков и деятелей культуры подписала «Слово к народу» – обращение, в котором критиковался курс Горбачёва и Ельцина

нас низкий поклон и скажите, что мы его очень любим». Я удивляюсь: «С удовольствием передам, если только увижу его». «А разве вы не его жена?» «Да нет, – говорю, – у него дочь такая же, как я».

А что слух такой был, я знаю. Мне как-то рассказывал Борис Брунов – он дружил с мужем Людмилы, дочки Косыгина, – что однажды они встречали Новый год и Боря сказал Алексею Николаевичу об этом слухе. А Косыгин говорит: «Ну что ж, я Зыкину очень люблю. Ты ей передай мои самые лучшие пожелания в новом году».

А вскоре приехал Помпиду, и меня пригласили на прием. Там был и Косыгин. «Здравствуйте, – говорю, – Алексей Николаевич». «Здравствуйте, Людмила Георгиевна! Ну как, невеста, дела?» Мне было так неловко, я покраснела как рак.

– То есть ваше знакомство с Косыгиным было лишь официальным?

– Только.

– А Хрущёва вы знали?

– Я была у него на 70-летию, пела ему «Течет Волга», «А вам 17 лет». Тогда он сказал: «Вот Зыкина говорит, что мне 17 лет. В общем-то, я еще здоровый и могу поработать. Если вы мне будете помогать». А что я еще могу о нем сказать? Я с ним никогда не общалась.

– Но кто же все-таки оказывал вам покровительство?

– Мне все покровительствовали. Ходил такой слух, что Зыкина – придворная певица и Северный хор тоже придворный. Но я ни в одном доме у членов правительства не была никогда. Ни тогда, ни сейчас.

– Людмила Георгиевна, а с кем вы дружите теперь?

– А со всеми. У меня очень много друзей, только свистни.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей семье. У вас есть дети, вы замужем?

– Своих детей у меня нет, помогаю воспитывать детей брата. Я замужем. Мой муж – Гридин Виктор Фёдорович, баянист, руководитель ансамбля «Россия».

Он хороший муж и хороший музыкант. Тепло ко мне относится. Я довольна, в моей жизни было все красиво.

– Вы сами занимаетесь хозяйством?

– Мама привила мне любовь к дому, люблю я и готовить. Единственное, что делаю без особого энтузиазма, – это убираться.

– А какое блюдо вы предпочитаете?

– Самую простую пищу. Кислую капусту своего приготовления, пирожки, котлеты. А пироги-то я пеку не на дрожжах, а на твороге, и очень вкусно получается.

– А какое-нибудь увлечение у вас есть?

– Картины вышиваю. Вот вышла Ренуара. Началось с того, что мне однажды предложили собирать картины. Но если я не разбираюсь в них, не могу отличить подлинник от копии. А цены за картины спрашивают баснословные. И вот как-то за границей я увидела картины, специально нарисованные для вышивки. Они мне очень понравились.

– И этому вы посвящаете свой досуг?

– Да какой досуг... Я ночью это делаю. Сплю очень мало, самое большое три – пять часов. Привычка. Когда война началась, я окончила четыре класса, всю войну проработала токарем, потом ходила в школу рабочей молодежи. А хотелось и погулять, и потанцевать, и попеть. Вот и выработалась привычка выкраивать время за счет сна. И сейчас, когда дома все ложатся, я немного посплю, потом встаю и что-то делаю. Люблю, когда мне никто не мешает. Вышиваю, вяжу, штопаю. Мама научила меня всему этому. В свое время не было капроновых чулок, а в простых один раз на танцы сходишь – и уже на пятках дырки. И мама всегда говорила: пока не заштопаешь так, чтобы не было заметно, на танцы не пойдешь. Я ей очень благодарна.

– А где вы родились, выросли?

– Я коренная москвичка, с Канатчиковой дачи. И сейчас, когда мне бывает невмоготу, грустно, я обязательно должна туда съездить, хоть там ничего моего не осталось. Как-то я была три месяца в Японии, возвращалась через Находку. Помню, смотрю я на березы и траву, и кажется, что все мне улыбается и кланяется. Приехала домой и на следующий же день отправилась на Канатчикову дачу, походила, и стало на душе так тепло, так ласково. Лучше нашей земли, думаю, нигде и нет.

– А что вы любите читать? Есть ли у вас любимые писатели?

– Я Лермонтова люблю. Знаю его стихи наизусть. Мы однажды встретились с Дмитрием Тимофеевичем Язовым, и я была поражена его знанием Лермонтова. Он читал «Маскарад», причем наизусть, в лицах.

– У маршала есть актерский талант?

– Ну, во-первых, этот человек обладает колоссальной эрудицией. Он не просто читает книги, он каждую прорабатывает. Все книги, которые у него есть, отмечены карандашом. Притом он сам

сочиняет стихи. Ему было легко разговаривать с нашими литераторами, потому что он прекрасно разбирается в литературе. Многие из писателей были удивлены, так как не ожидали, что человек, всю жизнь проходивший в военной форме, знает не только «раз-два, направо – налево». Язов – человек одаренный, может разговаривать на любые темы и в любой аудитории. И я счастлива, что жизнь светила меня с этой семьей.

– Вернемся к вам. А какую музыку вы любите слушать?

– Я очень разносторонний человек. Мне близка та музыка, которая меня греет. В свое время я пела даже джаз, и это мне нравилось. Рок, поп-музыка – эти направления я знаю недостаточно хорошо. Но я всегда радуюсь хорошей музыке. Мне приятно, когда русская народная песня поется ансамблем. Это лучшая пропаганда народной музыки. Очень важно, чтобы этим занимались не дилетанты, а у нас кому не лень поют русские народные песни, да еще и под гитару. Надо относиться к народной музыке более профессионально и ответственно.

– А вы могли бы вспомнить ваше самое сильное музыкальное впечатление?

– Для меня многое сделала музыка Щедрина. Когда Родион Константинович написал ораторию «Ленин в сердце народном», он пригласил меня работать с симфоническим оркестром – это был высочайший момент в моей жизни. Тогда ни одна исполнительница русских песен не пела с симфоническим оркестром, с хором классического типа. А потом Щедрин написал поэторию на стихи Вознесенского. С этими произведениями мы ездили за границу и получили очень хорошие отзывы.

– В начале нашей беседы вы упомянули про Академию народной культуры, президентом которой являетесь. Вы давно ее задумали?

– Когда началась перестройка. Хотелось подумать о нашей молодежи. Тогда все только и говорили, что ребятам некуда себя деть. Что значит – некуда? Мы просто неправильно воспитываем. Мне и захотелось заняться этим направлением. Академия народной культуры должна включить в себя многое – все области человеческой деятельности. Очень важно развить в человеке внутреннюю культуру. Именно этим мы и должны заниматься.

Фото из архива редакции

80-летний юбилей Людмилы Зыкиной

– Ваши отношения были близкими?

– Если мне нужно было что-то по работе, я могла обратиться напрямую и попросить. Но никогда этого не делала. Я всегда чувствовала грань, знала, кто я и кто она...

– Ну, вы-то тогда были знаменитой певицей.

– Нет, в ту пору я еще не была знаменитой. И для меня Фурцева была лидером. Мне никогда не забыть, как мы разговаривали. «Ну как, Екатерина Алексеевна, можно вместить в себя все знания? – часто спрашивала я ее. – Заниматься литературой, живописью, архитектурой. Вот, допустим, такие сильные художники, как Кибальников, Вучетич, – ведь понять их труд очень сложно...» А она и отвечает: «Мне и не надо понимать. Я призову их двоих, и пусть они разговаривают. А я слушаю». Я считаю, это очень правильно. Екатерина Алексеевна не боялась держать около себя сильных людей. И этому я от нее научилась.

Я знала Екатерину Алексеевну в течение десяти лет, и с ней было очень легко работать. Ее секретарь рассказывала, что если она кого-то обидит, то потом очень переживает, и в результате этому человеку сделает что-то хорошее.

Видела я ее и в последний день жизни. Я как раз приехала с гастролей, перед ними был отпуск. Заехала в Москву на день, а мне звонят из министерства: Екатерина Алексеевна ищет. «Людюшка, ну что же вы пропали?» Она никого не называла на «ты», как это про нее написал Михаил Козаков. С уважением ко всем относилась, за всех переживала. Мы встретились с ней у наших общих знакомых, там она и говорит мне: «Видите, сколько забот. Малому театру – 200 лет, Ойстрах умер, надо организовать похороны...» Потом она поехала на прием, после мне звонит (я ей сказала, что утром уезжаю): «Ну, счастливой дороги, смотрите, осторожно». (Я сама за рулем.) Я говорю: «А что вы такая грустная?» «Да не знаю, что-то мне нездоровится». «Может, – спрашиваю, – приехать?» «Нет, не надо, я сейчас лягу спать...»

Узнала я о ее смерти уже в Горьком.

– Ходили слухи, что Фурцева покончила с собой.

– Я не знаю.

– Но вы были близким ей человеком...

– А почему я должна это знать? Она очень любила жизнь, и не верю, что могла с собой что-то сделать. Говорили, что она на себя руки накладывала, но я этого не знаю. Про всех говорят. Про меня – что я алкоголичка. А я вообще не пью, не лежит душа. Разве кто-то видел, чтобы я напивалась? Да если певица пьет, у нее голоса не хватит, чтобы прожить большую творческую жизнь, как у меня.

– Рассказывают, что вам также покровительствовали Косыгин, Хрущев.

– Однажды я приехала в Чехословакию. И вдруг меня с такой помпой встречают. Думаю – что такое? В каждом районе после каждого концерта – подарки. Помню, я такие вазы оттуда привезла. А в конце мне говорят: «Вы обязательно передайте Алексею Николаевичу от

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД»

Адрес учредителя:
127247, г. Москва, Дмитровское шоссе,
д. 100, стр. 2

Генеральный директор:
Андрей КОРАБЛИН

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровское шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-79632 от 25.12.2020 г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 02.08.2021 г.
Выход в свет 03.08.2021 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование
в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ,
возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов
не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТРЕЙД», 2021

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы
Приложения:
ООО «Издательский дом
«Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано
в АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область,
город Долгопрудный, проезд Лихачевский,
дом №5В

Тираж: 10 200 экз.
Заказ № 2262